

Д. Анастасьин, И. Вознесенский

НАЧАЛО ТРЕХ НАЦИОНАЛЬНЫХ АКАДЕМИЙ

Внешним поводом, подтолкнувшим авторов заступиться за факты, были недавние юбилеи — отмеченные и замолчанные: украинской Академии наук исполнилось 60 лет, белорусской — 50, а первым (вскоре ликвидированным) АН Грузии и Эстонии — 50 и 40.

Темы нашей статьи — начало АН БССР (1928 — 31), несостоявшаяся Грузинская (1930 — 31) и «буржуазная» Эстонская (1938 — 40) академии. Особая ответственность и значимость украинской темы заставляют нас ограничиться напоминанием — в своего рода прологе — лишь главного об УАН, без чего нельзя вести речь ни о какой из национальных академий на территории СССР. Ранняя история Украинской Академии требует отдельной, и немалой по объему, работы.

В 1873 приднепровские украинцы, не имевшие возможности открыто развивать свою культуру под московским владычеством, попытались создать во Львове свой главный культурный центр, основав там Общество им. Шевченко. В 90-е гг. оно стало называться Научным и реорганизовалось по образцу европейских АН. В Научном обществе им. Шевченко, расцвет которого связан с именем М. С. Грушевского, и возникла еще в прошлом веке мысль об Украинской Академии.

Когда после 1905 в России рухнула система цензурных ограничений, был снят запрет и с украинского слова. Грушевский организовал в Киеве (по образцу Львовского) Украинское научное общество, с самого начала имевшее в виду стать в будущем национальной академией. Помешала мировая война.

Весной 1918 инициативу перенял Н. П. Василенко — министр народного просвещения и искусств в правительстве гетмана П. П. Скоропадского. За полгода была проведена громадная подготовительная работа. 14 ноября 1918 гетманский Совет министров утвердил закон об основании УАН, ее устав и штаты,

27 ноября Состоялось первое Общее собрание УАН, где Головой — Президентом был избран В.И.Вернадский. Первый после основания УАН приход красных войск относится к февралю 1919 (с этого момента начинают официальную историю АН УССР), окончательный — к июню 1920¹.

Вернадскому и другим организаторам УАН она виделась не частью государственной машины, а частью всемирного сотрудничества ученых — Союза Академий Наук. УАН попыталась осуществить принцип автономии науки, если не больше:

«Коллегия из академиков всех Отделов составляет Академию наук. Она свободно и независимо ведет все свои дела. Для этого Академия должна не только пользоваться полной автономией, но и быть поставленной вне всяких влияний на ее внутреннюю жизнь со стороны органов государственного управления, которые могут меняться»².

Украинцы смогли — и им помог в этом Вернадский — критически подойти к опыту Российской Академии наук (РАН)³.

Взяв за первоначальный образец устав и формы жизни петербургской Академии, ученые Украины уже в «эмбриональный» период УАН (в Комиссии по выработке законопроекта о ее основании) в ряде отношений превзошли этот образец, наметив решения более далеко идущие, оригинальные, жизненные и перспективные.

Важнейшей среди принципиальных заявок УАН следует, видимо, считать беспрецедентную национальную направленность ее, выразившуюся как в формулировании главных целей УАН (самопознание и самоутверждение нации, всемирное признание украинской культуры, использование и сохранение богатств Украины), так и в структуре Академии, где особенно бросается в глаза перевес украиноведческих дисциплин в Историко-филологическом отделе УАН. Постановка в центр внимания комплекса наук, связанных со своим народом, и организация вокруг этого центра всех гуманитарных наук — ничего подобного не было в практике академий наук всего мира. УАН обещала стать самой национальной из них.

В Физико-математическом отделе (ФМО) новаторство проявилось в создании чисто прикладных кафедр: технической механики, прикладной физики, акклиматизации, медицины и т.д. Перед прикладными кафедрами ставились задачи: взять на себя почин в объединении науки и техники, исследовать богатства Украины и т.п. (Для сравнения: в АН СССР технические и социально-экономические кафедры были введены только в 1928, а реально возникли после выборов 1929-го.)

Новым в практике академий был Отдел социальных наук (ОСН). Если бы реализовались связанные с ним надежды, он стал бы важной структурной частью украинского общества. ОСН строго научно исследовал бы состояние общества и процессы, в нем происходящие, предавал бы гласности результаты своих исследований, вынуждая любое правительство считаться с ними в своей социальной политике. В Экономическом классе ОСН должна была, например, работать Постоянная комиссия для изучения социального положения народа. Кафедры Юридического класса помогли бы созданию твердых правовых основ жизни на Украине⁴.

Ученые отошли от жесткого закрепления всех мест для академиков за определенными кафедрами, сохранив этот принцип лишь для части дисциплин (в самом деле, разве можно спланировать появление крупных ученых по отраслям науки!).

Наконец, в числе главных задач Академии была выдвинута организация всех украинских научных сил. Исследовательские институты мыслились при УАН. Первые академики подбирались так, чтобы они были людьми не только с творческими, но и с организаторскими способностями⁵.

Детально разработав и обосновав все главные отличия УАН, украинцы попытались осуществить свои намерения. В какой-то мере это удалось, причем наибольшие удачи выпали на долю украиноведения, наименьшие — на долю ОСН⁶.

УАН, случалось, подолгу не получала средств (в 1919, при Добрармии, — три месяца; в 1921, при большевиках, — восемь). При сокращении штатов в 1922 лишились места сотни ее сотрудников. Несмотря на изъятия в пользу Академии (здания, библиотеки, типография Лавры, собрания картин), ее материальное положение оставалось трудным (издательские потребности ФМО не удовлетворялись в первую половину 20-х гг. и на одну десятую часть), и не раз над ней нависала угроза закрытия. УАН, однако, выжила.

Существование ВУАН (в 1921 — 36 Академия носила имя Всеукраинской) было стимулом к образованию других национальных академий. Все последующие АН союзных республик оглядывались при своей организации на УАН: что дозволено украинцам, а что пресечено?

Репрессии, пережитые членами украинской АН, еще далеко не учтены⁷.

В пору высшего всплеска национальных движений заявила о себе и Беларусь. Центром культурной работы белорусов стал сначала Вильно, где с 1906 выходила газета «Наша ніва». «Нашенивенское время» было оборвано войной.

В 1915 немцы заняли запад Белоруссии и Вильно, но не препятствовали белорусскому национальному движению, в котором усилилось стремление к конфедерации с Литвой. После того, как литовцы собрали свой сейм — «Тарибу» (сентябрь 1917), национальные движения Литвы и Белоруссии разошлись.

На территории, подвластной России, между февралем и октябрём 1917 возникло множество белорусских организаций. В декабре 1917 Всебелорусский съезд в Минске высказался за национально-демократическую республику и был разогнан большевиками. Однако в городе остались Великая Белорусская Рада (ВБР) и Белорусская войсковая центральная рада, фактически осуществлявшие вторую власть. 19 февраля 1918, за два дня до занятия Минска германскими войсками, ВБР сформировала там первое белорусское правительство — Народный секретариат. Немцы не пожелали признать Белоруссию отдельным государством, однако ВБР, пополнив свой состав (например, представителями белорусских беженцев в России), провозгласила 25 марта 1918 Белорусскую Народную Республику (БНР), а сама преобразовалась в Раду БНР — высший орган республики.

Белорусские воинские части, созданные в нескольких городах Белоруссии, в Одессе и на бывшем Румынском фронте⁸, не удалось собрать и сохранить. БНР вынуждена была сосуществовать с германской (1918) и польской (1919 — 20) оккупационной властью.

Ведущей партией БНР была Белорусская социалистическая громада (БСГ).

При наступлении красных войск руководящие органы БНР перемещались на запад. После раздела Белоруссии между Польшей и РСФСР они до середины 20-х гг. продолжали работать в изгнании⁹.

Белую Русь разорвал в 1921 Рижский договор. Примерно 200 тыс. км² с девятимиллионным белорусским населением достались Москве, около 100 тыс. км² с тремя миллионами белорусов — Варшаве¹⁰.

Когда в 1919 поляки начали поход на белорусские земли, их

лозунгом было: «равные с равными, вольные с вольными», — и поборники независимости нередко сотрудничали с ними, не рассматривая их как оккупантов. Дальнейшие события (включая бросок красных армий к Варшаве) привели, однако, к трансформации польского национализма, в результате чего «братская опека» обернулась для Западной Белоруссии полицейским режимом.

По эту сторону рубежа в декабре 1918 ЦК РКП(б) постановил организовать БССР. Во главе правительства поставили Д.Ф.Жилуновича, в октябре 1918 принятого в большевики. Первая БССР меньше чем через два месяца уступила место Литовско-Белорусской ССР, скоро прекратившей свое существование в результате военных поражений и потери территории. В августе 1920, после взятия Минска, состоялось повторное провозглашение БССР.

БССР обнадеживающе росла, хотя до этнографических границ так и не дотянула¹¹. Временами в БССР поднималась кампания белорусизации. Убедительным казалось школьное строительство, много выигрывавшее при сопоставлении с Польшей, где белорусская народная школа в первые годы была задавлена.

Частичное удовлетворение национальных нужд в рамках БССР диктовалось, в числе прочего, желанием окончательно размыть почву под БНР, расслоить «возрожденчески-освободительное движение» (так оно себя называло), перетянуть к себе живые силы белорусской культуры, сделать притягательным советский пример в глазах западных белорусов. В июле 1923 была объявлена амнистия тем, кто публично заявит о лояльном отношении к советскому строю. Белорусских деятелей соблазняли возможностями работы в БССР. Начался их «исход» в Советскую Беларусь.

Так приехали географ А.А.Смолич, писатель М.И.Горещкий, искусствовед И.Л.Дыла, белорусоведы И.И.Красковский и А.И.Цвикевич. Все они стали видными работниками Инбелкульта, о котором речь впереди. Вацлав Устинович Ластовский, в 1919 возглавлявший Совет народных министров БНР, тоже обратился к правительству БССР с просьбой позволить ему вернуться на научную работу в республике. Ему разрешили не сразу. Он приехал весной 1927, был назначен директором Белорусского государственного музея и получил в Инбелкульте исследовательскую кафедру этнографии. Былая принадлежность к социалистическим партиям (Ластовский до 1917 был членом БСГ, а в 1919

состоял в партии белорусских с.-р.), казалось, не станет препятствием к участию в культурном строительстве.

Поверил в «воскресение Беларуси» Иосиф Юрьевич Лёсик — бывший член БСГ, а затем БСДП, один из создателей БНР. Он мечтал о «полной и неподдельной независимости», «обетованной земле белорусского народа», где народ будет бороться за новую жизнь и «борьба его усладится невыразимой радостью своего собственного национального творчества, которой не чувствуют и не понимают все национально-сытые народы»¹². Лёсик не тешил себя иллюзиями. Но, пока позволяли обстоятельства, работал в БССР: писал рассказы, повести, учебники, грамматику, статьи, редактировал журнал «Адраджэньне» («Возрождение»). Устраивал своим слушателям вступительное сочинение «Как я осознал себя белорусом» — и радовался каждому волонтеру «белорусского дела».

В 1921 в Минске был открыт Белорусский государственный университет, однако белорусским он был лишь по названию. Среди преподавателей БГУ было много приезжих. Лекции читались по-русски, по-русски же печатались университетские издания. Выходивший в Каунасе журнал Ластовского писал в 1924: профессура БГУ «ничего общего с народом и страной не имеет и играет в Белоруссии поганую роль денационализаторов, которые подавляют белорусское возрождение»; БГУ сравнивался в этом отношении с Виленским университетом¹³.

Да и студенты-белорусы составляли в университете меньшинство. Белорусским в Белоруссии было в основном крестьянство, не готовое учиться в БГУ, куда устремились жители городов (прежде всего — евреи из бывшей черты оседлости, составлявшие в первый учебный год две трети студентов БГУ)¹⁴.

Эти обстоятельства способствовали тому, что национальные кадры белорусской науки стали собираться вокруг другого центра, который и вырос в Белорусскую Академию наук.

Зарождение БелАН относят к 10 февраля 1921, когда в Минске образовался первый комплексный научный центр Белоруссии — Научная терминологическая комиссия (НТК) при Наркомпросе БССР, с секциями гуманитарной, естественной и математической: для начала — всего 12 человек. Главной фигурой здесь был Степан Михайлович Некрашевич.

Некрашевич (1883—1937) происходил из крестьян, учительствовал с 1908, в 1914 был призван в армию и после Февральской революции оказался в Одессе, где тогда скопилось много беженцев из Белоруссии и белорусов-солдат. Некрашевича избрали одним из руководителей местного Белорусского

национального центра. Благодаря ему к началу учебного года в 1918 (т.е. еще при немцах) в Одессе открылось 30 начальных белорусских школ и четыре начальных класса белорусской гимназии. При большевиках Некрашевич заведовал белорусской секцией при Одесском ГубОНО, а в 1920 переехал в Минск, где стал инспектором научных учреждений в Наркомпросе.

Некрашевич добивался организации белорусоведческого института вместо НТК, но ЦИК БССР отказал из-за нехватки сил и средств.

Мысль о создании Института всплыла через несколько месяцев с притоком возвращавшихся из России уроженцев Белоруссии. Устав разработали Е.Ф.Карский (основатель современного белорусоведения, академик с 1916, жил в Петрограде), В.И.Пичета (ректор БГУ), И.Л.Дыла. 30 января 1922 НТК превращена в Институт белорусской культуры (ИБК, Инбелкульт), председателем назначен Некрашевич.

Перед НТК и ранним Инбелкультуром, казалось, стояли узко практические задачи, связанные в основном с нормативизацией языка и письменности, выпуском словарей, разработкой научной терминологии. На деле речь шла о самой сердцевине белорусской культуры — языке.

Становление белорусской нации, а затем сохранение ее единства протекали в неблагоприятных условиях: отсутствие природных рубежей, которые защищали бы национальную территорию от всякого рода экспансий; постоянное несовпадение государственных границ с этнографическими; разделение белорусов на католиков и православных; сильное территориальное смешение их с другими народами в главных центрах белорусской культуры; соседство с русскими и поляками — с народами, родственными белорусам по языку, но опередившими их в своем развитии.

Последнее обстоятельство было особенно опасно. Белорусы-возрожденцы с болью твердили, что белорусская культура превращена в почву, в «навоз» для произрастания соседних «великих» культур.

Деятели «белорусского возрождения» призывали сосредоточиться на развитии литературного языка: именно это было неотложной необходимостью в деле национального самоутверждения белорусов. Каждая новая хорошая книга становилась в ту пору событием, еще одной литературной опорой нации.

Но война и революция, тасовавшие человеческие массы (немецкие, русские, украинские, польские войска на территории Белоруссии, беженцы в новой языковой среде), означали

новые испытания для белорусской культуры. По оценке Е. Р. Романова, одного из крупнейших дореволюционных белорусоведов (писал он это в конце гражданской войны), «вавилонское столпотворение» несло гибель всему белорусскому: «от бывшего белорусского языка остались одни клочки», и ему стала угрожать судьба «языка древних инков или современных ирокезов», «народная словесность также замерла, если не умерла, песня ушла в казарму и озверела, сказку уморил голод, духовный стих считается преступлением»¹⁵.

Шло великое расшатывание еще не утвердившихся устоев. Даже вопрос о графике белорусского языка (кириллица или латиница) не мог считаться окончательно решенным¹⁶. Не была нормализована грамматика. В печати и письме царил орфографический разнობой.

Некрашевич, Лёсик и другие деятели ИБК исходили из представления о самобытности белорусского языка, хотели развить все заложенные в нем оригинальные выразительные возможности, в основу литературного языка стремились положить не язык Витебщины и Могилевщины, подвергшийся, по их мнению, русификации, а язык районов, прилегавших к Минску: «кулацко-шляхетских районов», — скажут критики образца 1930 — 31 гг. и заявят: цель нацдемовцев, опирающихся на ложный принцип «самобытности», — оторвать белорусскую трудящуюся массу от братских республик (иногда прямой: от Советской России).

В поисках доказательств, что белорусский язык старше русского, и в погоне за исконно белорусскими словами языковеды Инбелкульта зарывались в древние памятники («занимались изучением разных евангелий и созданием на их основе никому не нужных средневековых правописаний и грамматик, которыми затуманивали мозги учащейся молодежи»¹⁷).

Некрашевич попытался перевести иностранные слова неологизмами на белорусской основе: администратор — упраўнік, экспроприация — высваенне, блокада — замык, террор — застрашэнне (на это последует реакция: нацдемовцы против интернационализма, оттого и выдумывают искусственные слова).

НТК, а позже Институт научного языка разработали основы белорусской научной терминологии. Здесь особенно велики заслуги Некрашевича, основным направлением работ которого как раз и была лексикография. Тут также проявился его пуризм, были свои неудачи (раздутые критиками), но большинство созданных тогда терминов — 30 тысяч к началу 1929 — выдержало

проверку временем, хотя некоторые потом без особой нужды были заменены.

Ученые Инбелкульта стремились сберечь все богатства живой разговорной речи и жадно собирали народные слова и выражения, боясь упустить хоть одно. В январе 1925 ИБК приступил к грандиозному предприятию — сбору лексического материала на всей этнографической территории Белоруссии (и в Западной Белоруссии, и в РСФСР многие включились в эту работу) с тем, чтобы издать полный толковый словарь, снабженный детальными научными комментариями.

С труднейшей частью задачи ИБК справился с блеском. Разработав точные указания (как цеплялись потом за слова «дылда», «мудазвон», «лях», «маскаль» из инструкции-программы!), призвав на помощь студентов и краеведов, успели запечатлеть «уходящую натуру» и к концу 1927 имели в своем распоряжении свыше 400 тысяч карточек-слов. Отбраковав и систематизировав их, оставили для разработки 382 тысячи. В июне 1928 можно было уже приступить к печатанию словаря, но хотелось совершенства: последовали новые выборки слов, обсуждения, отзывы специалистов. В конце 1929 начали готовить к печати букву «А» и собирались к концу 30-х гг. завершить всю работу над изданием. (В 1930 подготовку словаря остановили, картотека в войну погибла.)

Языковедение может служить примером того, как за годы существования ИБК расширялась и углублялась его деятельность, охватившая все области белорусоведения, а затем и вышедшая за его рамки. Приток сил и расширение функций ИБК были связаны, в частности, с организацией Центрального бюро краеведения при ИБК (1924) и развитием массового краеведческого движения, всколыхнувшего и сельскую глушь (позже краеведам досталось за собирание документов о старых панских фамилиях, за накопление сведений о революционерах без оглядки на их партийную принадлежность, за розыски курганов, могильников, городищ).

Роль национальной академии наук Инбелкульт начал играть раньше, чем это было декретировано властью.

Еще в 1924 руководители ИБК поставили перед правительством Белоруссии вопрос о преобразовании ИБК в БелАН. После ряда оттяжек и перестроек, получив предварительные разрешения Москвы, правительство БССР 13 октября 1928 приняло постановление о реорганизации, а затем СНК СССР это преобразование утвердил.

Но реорганизация не стала делом самого ИБК, фактом

одного лишь внутреннего его развития. Академики, Президиум АН, изменения в уставе были намечены специальной правительственной комиссией, где представители власти составляли большинство. Из пяти членов комиссии лишь двое являлись членами ИБК — Игнатовский (историк, в 1925 сменивший Некрашевича на посту председателя ИБК, а до того — нарком просвещения Белоруссии) и Некрашевич (в это время председатель Главнауки). Списки академиков (31 чел.) и Президиум утвердили 26 декабря. Президиум составили из 7 человек. Партийное большинство в Президиуме обеспечили тем, что к четырем академикам (один из них — Игнатовский) добавили трех чиновных коммунистов, в т.ч. наркома просвещения А. В. Балицкого и Н. И. Белугу, еще раньше поставленного руководить краеведческим движением. Датой рождения АН считается 1 января 1929: торжества приурочили к десятилетию Советской Белоруссии.

Обсуждения кандидатур в печати не было, лишь под конец появились материалы о Б.Тарашкевиче как об «отце белорусской грамматики» (в 1918 он издал в Вильно первую белорусскую грамматику для школ). Тарашкевич стал к тому времени коммунистом, и внезапное введение его в Академию имело не научное, а политическое значение. Он сидел в те дни в гродненской тюрьме, перерабатывал там свою грамматику, переводил «Илиаду» и «Пана Тадеуша». Прибыв в СССР в 1933 на основе обмена политзаключенными, Тарашкевич не стал заниматься лингвистикой, а поехал в Москву заведовать отделом Польши и Прибалтики в Международном аграрном институте.

При перестройке ИБК в БелАН (1927 — 28) число действительных членов было уменьшено. Но при этом сквозь сито отбора не прошли признанные белорусоведы первого ранга: ленинградский академик Е.Ф.Карский, работавший в Русском музее А.К.Сержпутовский, историк М.В.Довнар-Запольский (к этому времени уехавший из БССР), А.А.Смолич (хотя он переработал свою книгу, исключив Смоленщину из состава этнографической Белоруссии), И.Л.Дыла. Среди внеучных соображений, которыми руководствовались при формировании АН, — желание представить в ней все народы Белоруссии (так попал в академики С. Матулайтис, врач по образованию, политэмигрант из Литвы, глава Литовского сектора ИБК-БелАН). Девять членов выбраны были в порядке «смычки» трех академий: из АН СССР — А. П. Карпинский, С. Ф. Ольденбург, Н. Я. Марр и намеченные там к избранию М. Н. Покровский и В. Р. Вильямс (с последним белорусы поторопились: прошел в АН СССР в 1931), из ВУАН —

президент Д. К. Заболотный, П. А. Тутковский, плюс намеченные к избранию Н. А. Скрыпник (нарком просвещения УССР) и М. И. Яворский, числившийся на Украине историком-марксистом чуть ли не номер один.

И все же:

По сравнению с позже основанными АН других союзных республик, в АН БССР в ее начальный период мы не обнаруживаем еще полного засилья официальной идеологии. Партийцев на 31 академика не набирается и десятка. Ни одного человека, который был бы прислан из центра «на укрепление» местной академии. Среди академиков — И. И. Замотин, с запятанной, если верить советской прессе, политической репутацией, и Н. Н. Дурново, с 1924 застрявший в Чехословакии: ездит по Карпатской Руси, читает лекции в Университете Масарика, общается со славистами, включая русских эмигрантов, — и только получив известие об избрании белорусским академиком, вернется в СССР.

В первоначальной АН БССР мы не замечаем стремления охватить немедленно все главные отрасли современного знания. Организаторы АН исходили из возможностей республики — ее реального научного потенциала.

Главная сила новорожденной Академии заключалась в ее гуманитарном секторе, где среди писателей выделялись Я. Купала и Я. Колас, среди языковедов — Дурново, а у историков — А. Н. Ясинский, давний член Чешской Академии наук и искусств. Родным языком занимались Некрашевич и Лёсик, белорусской (и русской) литературой — Замотин, историей Белоруссии — Ластовский, Игнатовский и Пичета, сначала выдвигавшийся как полонист. Славяноведческая и по преимуществу белорусоведческая направленность делали АН БССР действительно **национальной** Академией.

А непременно секретарем АН — бывают же чудеса! — определили Ластовского.

Активный публицист и редактор, Ластовский давно вошел в круг лидеров белорусского национального движения. После раздела Белоруссии представлял белорусов в Комитете порабощенных Польшей наций, затем возглавлял Союз национально-государственного освобождения Белоруссии; в связи с этой деятельностью ему приходилось работать в Париже, Женеве, Риме. Жил он в Каунасе, издавал там журнал «Крывіч» (1923—27), который часто открывался стихами самого Ластовского и в котором он печатался более чем под десятком псев-

донимов. Большой «Расійска-крыўскі (беларускі) слоўнік», выпущенный им в 1924, оказал влияние на работников ИБК.

Ластовскому дорога была мысль о том, что белорусы — самая коренная и самая древняя из трех восточнославянских наций. Он прослеживал тысячелетнюю историю белорусов от племени кривичей и считал, что у белорусов должно быть второе самоназвание, которому сам Ластовский отдавал предпочтение, — кривичи. Страну же свою (параллельно с привычным именем — Белая Русь) белорусам следует называть Крывия.

Немного времени отмерено было Ластовскому для работы в Минске. Он вел Белорусский государственный музей (БГМ), кафедру этнографии в ИБК-АН, Комиссию по сохранению памятников древности и материальной культуры. Его сотрудники искали и находили живую старину и высокий вкус в самых глухих уголках Белоруссии. Предметом изучения были, например, деревянное зодчество, головные уборы, пояса, народный орнамент, узоры пасхальных яиц, местночтимые иконы, каменные бабы, народные приметы, божба и проклятия, колядовые и свадебные песни, сказки, плачи. Фотографировали деревенских женщин и девушек, стремясь запечатлеть исчезающие типы народного облика. Сам Ластовский работал над монографиями «Еда и питье белоруса», «Венок — девичий головной убор», собирал духовные стихи. (Приведенный здесь перечень исследовательских тем весь извлечен из обличительных статей 1931 года, где буквально каждое из названных занятий — прибавьте еще, что материал собирался не только среди последних бедняков: значит, «среди кулачества» — превращалось в пункт обвинения. Тем более это относится к следующим абзацам.)

БГМ в Минске (как и его филиал в Витебске) вобрал в себя и сохранил фонды дореволюционного Церковно-археологического музея, с памятниками старобелорусской школы живописи, с церковной утварью, характеризовавшей убогий быт и униженное положение православных в эпоху польского владычества.

Отыскивая проявления белорусского народного стиля в старых церквях, работники БГМ стали собирать художественные и исторические ценности для организованного Ластовским Церковно-религиозного отдела Музея (с весны 1930 — Антирелигиозный отдел). Имея от белорусской Главнауки специальный мандат на право осмотра всех религиозных зданий и изъятия из них разных предметов, Ластовский (и это в 1929 крутом году!) вошел со священниками в соглашение, согласно которому

участники научных экспедиций обменивали им старые предметы, имевшие музейное значение, на аналогичные новые (т.е. «обеспечивали церкви комплектами нового поповского и дьяконского облачения и утвари»¹⁸).

Была у белорусов своя святая — Ефросинья Полоцкая. БГМ отправил в Полоцк специальную экспедицию, чтобы отыскать «ефросиньин крест» и доставить его в Музей.

Одно из антибольшевистских правительств Белоруссии учредило орден Ефросиньи Полоцкой как высшую боевую награду, и полковник-эмигрант решил прислать свой орден Музею. Другой эмигрант пожертвовал обмундирование офицера-балаховца*. Ластовский не отверг и эти дары.

...Через несколько дней после открытия Белорусской Академии разыгрался в Ленинграде скандал с неизбранием трех коммунистов в члены АН СССР. «Академический конфликт» быстро стал перерастать в общесоюзную кампанию поисков «подозрительных» среди ученых. «Несозвучной эпохе» оказалась и АН БССР. Но масштабы разгрома обозначились не сразу.

Процесс приспособления Белорусской Академии к ускоренной «социалистической реконструкции» выразился в разработке планов АН на пятилетку, новой полосе перестроек (вроде организации кафедры марксизма-ленинизма и кафедры кооперации и коллективизации) и в срочном пополнении АН: 15 июня 1929 Академический совет АН БССР избрал двух новых академиков — химика В. В. Шкателова и ботаника И. Ю. Василькова¹⁹.

Первые наскоки на «нацдемов» были умеренными и сравнительно легко отбивались ими, как это было в случае с Пичетой²⁰. Решающий окрик раздался из Москвы в виде серии статей «Комсомольской правды» в августе 1929²¹. «Комсомолка» напала на Наркомзем Белоруссии (в связи с медленными темпами коллективизации) и на АН БССР как главное средоточие национал-демократизма:

«О выхолащивании классового смысла национальной политики свидетельствует и то, как была создана Академия наук. Это было сделано в кабинетном порядке, без участия масс. Наметили и назначили! Теперь, правда, спохватились — слишком много имен, но чрезвычайно мало **подлинных друзей** диктатуры пролетариата, настолько мало, что белорусская ксендзовско-черносотенная газета «Крыніца», выходящая в Польше, нашла для себя возможным писать об академии, созданной советской властью: **"Наша академія навук!"**»²².

* В 1920 генерал С. Н. Булак-Балахович командовал белорусской Народно-Добровольческой армией. — *Прим. ред.*

В статьях были задеты академики Пичета, Жилунович, Лёсик, Некрашевич («Его словарь, изданный Белгосиздатом в 1928 году, был конфискован, как документ ярко шовинистического характера»), «бывший белогвардеец» Ластовский, «бывший денкинец» Замотин, Горецкий, «который только недавно кончил аспирантуру», А. В. Балицкий и другие работники Академии²³.

Москва призвала пленум белорусского ЦК «сделать резкий поворот от того, что бросало тень на белорусскую партийную организацию. С национал-демократизмом, **невзирая на лица**, надо решительно покончить!»²⁴.

16 октября 1929 СНК Белоруссии освободил Ластовского от обязанностей неперменного секретаря, а Некрашевича — от обязанностей вице-президента. 26 октября Академический совет довыбрал Президиум, и через день СНК утвердил наполовину обновленное руководство АН БССР. В Президиуме пока остались Игнатовский (обошлось публичным покаянием), Белуга и сниженный до члена Президиума Некрашевич. Новым вице-президентом стал Я. Колас, неперменным секретарем — экономист-плановик И. А. Петрович, в Президиум ввели нового наркома просвещения А. М. Платуна, И. П. Ошеровича, С. Ю. Матулайтиса.

Первым вышвырнутым из действительных членов стал Н. Н. Дурново. В эпоху великого перелома он корпел над «Ярославским молитвенником» XIII века! Кроме того, был противником яфетической теории: тут уж доводов Дурново не разбирали, заладив одно: он осмелился назвать теорию Марра «шарлатанством» и «идиотизмом». Теория языка, разделяемая Дурново, была объявлена буржуазной и идеалистической: оттого-де его работы и печатает Пражская АН. 19 декабря Президиум АН исключил Дурново из Академии²⁵.

Вторым был исторгнут Матвей Иванович Яворский. В начале 1930 на Украине его объявляют авантюристом, осуществлявшим идеологическое вредительство и дискредитацию марксистской исторической науки: не марксистский он историк, а мелкобуржуазный, школы Грушевского. На кампанию против «яворщины» Президиум БелАН откликается постановлением о его исключении от 8 марта.

Вскоре начался новый круг.

В августе постановлено отстранить (они и без того давно не работали) Ластовского, Лёсика, Некрашевича.

Конфискуются некоторые издания БелАН, например, сборник трудов кафедры этнографии за 1930.

В октябре сняты остатки прежнего руководства АН, в Президиум опять введены новые члены.

Решением райкома распушено бюро партийной ячейки АН.

30 ноября опубликовано сообщение об аресте «контрреволюционной группы белорусских национал-демократов». Из арестованных названы Ластовский, Цвикевич, Красковский, Смолич, Лёсик, Некрашевич.

6 декабря СНК БССР постановил: «В связи с выявлением вредной контрреволюционной деятельности группы академиков Белорусской Академии наук, деятельность которых была направлена против диктатуры пролетариата и на срыв успешного социалистического строительства», — исключить из Академии Ластовского, Пичету, Лёсика, Некрашевича, Горецкого и Дубаха, «лишив их звания академиков, как врагов пролетарской диктатуры»²⁶.

Некрашевича увезли в Удмуртию, в Сарапул, где он одно время работал плановиком-экономистом в артели инвалидов, затем бухгалтером конторы «Заготзерно». Погиб в декабре 1937.

Ластовский погиб в заключении в 1938. Лёсик — в 1940.

Дубах появился в Ленинграде как профессор Лесотехнической академии и умер в 1942.

Пичету присоединили к ленинградскому делу Академии наук СССР (дело Платонова—Тарле), в августе 1931 дали три года ссылки, которую он отбывал в Вятке. Позже Пичета поднялся в Москве: получил кафедру в МГУ, был избран в АН СССР.

Гаврилу Ивановича Горецкого отправили на Беломорканал.

Горецкий до ареста (он был самым молодым из академиков: его взяли в тридцатилетнем возрасте) был членом белорусского ЦИКа, входил в коллегию Наркомзема, работал директором Института сельского и лесного хозяйства, руководил в АН кафедрой размещения народного хозяйства. Имел труды по экономике, экономгеографии, демографии, фольклору. В 1918 вместе с братом, М.И. Горецким, выпустил первый русско-белорусский словарь.

Горецкого объявили белорусским «кондратьевцем». Вспомнили, как в 1922, будучи студентом экономического факультета Петровской академии, этот «агроном-возрожденец» писал, что его мечта — «превращение бедной, болотисто-грустной Белоруссии в новую Данию»²⁷. А на Всебелорусском съезде агрономов обронил, что нет «картофельной» или «свиноводческой» идеологии. В работе «Границы Западной Белоруссии в Польше» он утверждал, что на десятки лет Западная Бело-

руссия сохранит свой в основном белорусский характер (в интерпретации критика: «оккупационная политика Польши» будто бы «не страшна белорусам», в противоположность политике Москвы²⁸).

Г.И.Горецкий в своей работе был тесно связан с А.А.Смоличем — главой белорусских географов (Смоличу дали кафедру в АН): обоих обвинили во вредительской работе по отрыву научных тем от практики соцстроительства (под этим предлогом инкриминировалось изучение белорусских районов в Сибири и белорусской эмиграции в Америке) и в буржуазном понимании географии и ее задач (критики глумились над учением о географических комплексах и понятием географического ландшафта, т.е. над тем, в чем видят сейчас суть физической географии).

На Беломорканале Горецкий стал специалистом по инженерной геологии — и в этом качестве трудился на строительстве двадцати с лишним крупных гидротехнических сооружений. Пережил повторный арест, испытал «незаконные методы следствия», дотянул до реабилитации. Вспоминал обо всем этом с некоторым недоумением насчет своей «вины», ибо всегда оставался лояльным к советской власти. Восстановлен в АН БССР — уже по новой своей научной специальности. Его брат, писатель и литературовед, действительный член ИБК, погиб в марте 1939.

Игнатовского в октябре 1930 вывели из руководства КП(б)Б, а 16 января 1931 исключили из партии как «национал-уклониста». Жилуновича — тоже.

Игнатовский умер через полмесяца.

Жилунович тогда уцелел. Задолго до своего исключения он включился в погром «нацдемов». Взят в 1936, погиб в 1937.

В начале 1931 прибыл в Белорусскую Академию первый «варяг» — П.О.Горин (Коляда), ученик М.Н.Покровского и его сподвижник по Комакадемии и Обществу историков-марксистов. 23 января 1931 Академический совет, заседавший под руководством не-академика В.К.Щербакова, избрал Горина действительным членом, а затем тут же и президентом Академии.

На том же заседании Совет принял решение о дополнительных выборах академиков на освободившиеся, а также вновь открытые места. Любопытно, что трое из десяти выбранных вскоре академиков были членами комиссии для проведения этих самых выборов (Платун, Ривлин, Щербаков).

3 марта Академический совет назвал новых академиков: бес-

партийных — 1 (Н. М. Никольский), из 9 остальных почти все имеют большой партийный стаж. Никольский занимает место Ластовского, но уже не как этнограф, а по специальности «история религии и этнография». Кандидаты-этнографы, -языковеды, -географы в ходе довыборной кампании даже не выдвигались.

Не беда. Теперь среди академиков будут математик, медик, второй химик. А также чисто партийный деятель без ученых заслуг — очередной нарком просвещения Платун (для него и П. Я. Панкевича, которому предназначено стать новым постоянным секретарем, традиционных специальностей не нашлось: они избраны как широкие специалисты «по проблемам культуры и педагогики»). И зав. сектором науки и культуры ЦК КП(б)Б Е. И. Ривлин.

Примерно с ноября 1930 по март 1931 длилась в печати самая злая полоса. Не прекращали бить растоптанных. Вот Лявданский подбрасывает новый материал против Некрашевича: как тот, от имени Главнауки, наложил резолюцию на просьбе администрации минского Мариинского костела о разрешении ей ремонта старинного алтаря: «Реставрацию иконы Божьей Матери производить под руководством доцента Щекотихина»²⁹.

Разные лица цитируют откуда-то ставшие им известными «показания» арестованных. Н. М. Голодед на сессии белорусского ЦИКа вычитывает из «показаний Лёсика»:

«/.../ язык рабочих и беднейшего крестьянства мы сознательно игнорировали /.../ мы брали установку на кулацкие элементы крестьянского населения. Таким образом в белорусском литературном языке появились «взыск» вместо «эксплётация», «харда» вместо «струна», «вогнішча» вместо «фокус», «страмопис» вместо «порнография», «працівакутнае» вместо «пэръпэндэкулярнае» и т. д. /.../ Потом под давлением партийной марксистской критики эта «шишковщина» немного сглаживалась, хотя практические словари показали, что делалось это в самой скрупулезной мере для видимости, а общее направление оставалось неизменным и перенесено было в стены Академии наук».

Вот как комментировали пословичные примеры («антисоветские перлы») из грамматики Лёсика:

Он против классово-борьбы: «Што сябе ня міла, таго і другому ня зыцце».

Против самокритики: «Болей думай, а меней гавары».

Издевается над трудностями социалистического роста: «Жыць весела, да есьці нечага», «Бывала горш, але рэдка».

Выражает нацдемовские надежды: «Загляне сонца і ў наша ваконца», «Будзе кірмаш на нашай вуліцы».

У нас большой процент рабочих переведен на 7-часовой рабочий день, а Лёсик дает пример в своей грамматике: «Працуй зраньня аж да зьмярканьня»³¹.

Это не анекдот. Это уровень критики, отозвавшийся нескончаемым эхом в уровне работы АН БССР.

13 мая 1931 СНК Белоруссии принял постановление об очередной реорганизации АН БССР. Требовалось изменить устав, перейти с системы кафедр на систему институтов, спланировать работу всех научно-исследовательских учреждений БССР. К июлю все это дело провернули и выбрали новый Президиум АН.

Изменили радикально всю структуру Академии: расформировали не только кафедры, но и отделы, разделили АН на двенадцать НИИ. Переделали планы: все силы и средства — на содействие соцстроительству. Присвоили Академии директивные и контрольные функции в области всей научной работы БССР. Словом, выстроили на руинах совершенно новое учреждение, послужившее (вместе с аналогично преобразованной ВУАН) прообразом и предвестником других республиканских академий в СССР: с приглушенным национальным характером, с более или менее стандартными для всего Союза ССР формами жизни, с полным идеологическим и организационным подчинением государству, с как бы узаконенной второсортностью этих национальных академий по сравнению с АН СССР.

В первые годы существования Украинской АН, несмотря на молодость ее, Российская АН общалась с ней как с равной. Объявление АН СССР высшим ученым учреждением всего Советского Союза в 1925 по существу не изменило до выборов 1929 года этих взаимных отношений. Да и Белорусская АН формировалась и даже начала свою жизнь тогда, когда «союз трех академий», о котором в то время много говорили, воспринимался скорее как содружество разновозрастных сестер, нежели как отношения распорядительницы и исполнительниц. Но попытка белорусов выпестовать самобытную национальную академию наук была уже делом гиблым.

История БелАН стала «концентрированной историей» культурного развития Советской Белоруссии. Медленное, «ползучее» пересоздание ИБК в АН БССР сменилось на время (решающее время!) истребительными перестройками, первой из которых была полоса 1930 — 31, многое и надолго предопределившая не только в Белорусской Академии, но и во всей белорусской культуре. Изничтожение «белорусского национал-демократизма» имело далеко идущие последствия. Был подрублен, может быть,

главный корень национальной культуры. 1937 год, война, урбанизация вырвали и иссушили другие ее корни, не дали вновь подняться белорусам как нации. И теперь положение таково, что заглянув за декорации, в отчаянии думаешь: послужит ли катастрофическая ассимиляция большой нации хотя бы уроком и предостережением для других народов «нашей великой Родины»?!³²

...А к своему юбилею АН БССР выпустила шестисотстраничный том, где по-белорусски продублирован только титульный лист. В томе — история Академии, обзор ее достижений и персоналии. Ластовского, Лёсика, Яворского нет и в помине. Вместо первого (назначенного) Президиума — представлен (с помощью нехитрой перестановки на страницу назад и хитрой формулы «в соответствии с Уставом был избран Президиум») тот его состав, что утвержден 28 октября 1929. Об исключениях — ни звука, ни намека. События 1929 — 31 изложены кратко и гладко:

«Первые два года своей деятельности АН БССР сохраняла структуру Инбелкульта. Однако дальнейшее ее развитие вызвало острую потребность в концентрации сил и средств на наиболее важных научных направлениях. В связи с этим назрела необходимость реорганизации структуры АН БССР, пополнения ее состава новыми кадрами ученых, правильной их расстановки»³³.

Та же безоблачность и дальше, хотя чистили и обезглавливали Академию еще не раз³⁴.

2

Вторая тема: Академия наук ССР Грузии (АН ССРГ, 1930—31).

Жизнь ее так коротка, а ход событий вокруг столь опустошительна, что даже родные дети академиков, хранящие родовую память, будучи спрошенными, разуверяли: да нет, не было такой.

И все же — была. Родилась обреченной, задушена в колыбели, но была. Начнем и о ней издалека.

Ранняя попытка организовать Грузинскую Академию относится к 1905 — 06, когда группа общественных деятелей и ученых попросила Н.Я.Марра написать ее проект, что и было сделано Марром в черновом, но почти законченном варианте³⁵.

Круг задач Академии Марр очертил следующим образом:

Во-первых — исследовательская работа и издание научных трудов на грузинском языке.

Во-вторых — помощь зарубежным ученым, изучающим Грузию и грузинский народ. Лучшие труды о Грузии на европейских языках Академия должна была отмечать своими наградами.

В-третьих — научная подготовка сотрудников самой Академии³⁶.

Наконец, в-четвертых — особая забота о молодых талантливых ученых: отыскивать их среди студентов, направлять на дальнейшую учебу (с назначением повышенных стипендий), постоянно рассматривать их новые работы и т.д.

В составе Академии предполагалось иметь 12 академиков; годовое жалование каждого намечалось в размере 3000 рублей. Намечены были размеры премий, стипендий, заработной платы. Марр исходил из годового бюджета в 200 000 р.

На финансовую поддержку государства расчета не было. Собирались помочь деньгами виноделы. Сухумский городской голова Николай Тавдгиридзе обещал 6000 в год.

Проект этот остался в личных бумагах Марра³⁷.

Вопрос о Грузинской АН был поднят вновь при Временном правительстве одновременно с вопросом об Украинской АН.

Но в 1917, как и в последующие несколько лет, организационные проблемы развития науки и культуры в Грузии сконцентрировались вокруг формировавшейся там высшей школы, в первую очередь — национального университета³⁸.

Первые двенадцать профессоров Тбилисского университета все без исключения были грузинами. Это не означало дискриминации русских³⁹. Уже при меньшевиках в университете преподавали и ученые других национальностей; приглашены были лекторы из Европы. Но в общем-то не-грузин было очень мало.

Для грузинских же ученых университет стал колоссальным центром притяжения, и они отовсюду съезжались сюда для работы: из Петрограда — И.А.Джавахишвили, Г.Ф.Церетели (?), А.М.Бенашвили, Г.С.Ахвледиани, а затем (1920) Н.И.Мусхелишвили; из Москвы — А.М.Размадзе, А.Н.Джавахишвили; из Лейпцига — Ф.Г.Гогичайшвили; из Галле — Г.Н.Чубинашвили; из Одессы — П.Г.Меликишвили; из Донбасса — Г.Н.Николадзе.

Концентрация ученых сил по национальному принципу обнаружила сразу поразительно высокий уровень грузинской науки. В ТГУ глубоко разрабатывался комплекс кавказоведения во главе с картвелологией. Начала складываться грузин-

ская математическая школа. Выдающиеся ученые возглавили исследования по психологии, физиологии, химии. Была создана техническая, математическая, анатомическая, физиологическая терминология на грузинском языке. Состоялись первые публичные защиты диссертаций в Тбилиси (начиная с докторской А. Шанидзе в 1920)⁴⁰.

Когда вглядываешься в круг ученых, собравшихся в Тбилиси в 1918 — 20, не можешь отделаться от мысли: по своему научному потенциалу именно Грузия вслед за Украиной достойна была иметь национальную академию наук уже в те годы. Другое дело, что при тогдашнем ТГУ наличие второго организационного центра национальной науки могло повредить ее развитию.

Заметим, что в ТГУ первых лет уже собралась большая часть ведущих ученых будущей АН ССРГ: Бериташвили, Гоги-чайшвили, И. и А. Джавахишвили, Кекелидзе, Мухелишвили, Натишвили, Николадзе, Нуцубидзе, Узнадзе. ТГУ и дальше продолжал собирать будущих академиков.

После перехода власти к большевикам внешние формы организации грузинской науки поначалу остались прежними, и скоро круг научных дисциплин, организованных университетом, расширился до предела⁴¹.

В конце 20-х гг. грузинская наука переросла рамки ТГУ. Научно-исследовательские учреждения, часть которых вначале основывалась при университете, все больше оказывались вне системы высшей школы: институты Геологический, Психоневрологический, Прикладной минералогии... Вторым по значению научным учреждением сделался Тбилисский политехнический институт, основанный в 1928. Среди учреждений, организованных в ТПИ, отметим первый в Грузии химический НИИ (ныне Институт химии им. П. Г. Меликишвили АН СССР) — детище Л. В. Писаржевского. (Украинский академик Писаржевский был приглашен в Грузию после смерти его учителя — Меликишвили. Не оставляя своих украинских дел: несколько месяцев в Днепропетровске, несколько — в Тбилиси, — Писаржевский в 1929 — 34 являлся профессором ТГУ и ТПИ.)

Подобно тому, как Львовское и Киевское научные общества подготовили рождение Украинской АН, а Инбелкульт — Белорусской, так и Грузинская Академия вызревала внутри ТГУ. С появлением новых самостоятельных вузов, организацией новых НИИ, развитием научных обществ, музеев и таких учреждений, как Геофизическая обсерватория или Шелководственная станция, потребность в высшем научном учреждении типа академии наук становилась в Грузии все более акту-

альной, а после расчленения ТГУ — просто жизненно необходимой⁴².

Инициатором создания нового организационного центра грузинской науки явился тот человек, которому по должности как раз и следовало за это взяться — К.Р. Мегрелидзе, с января 1929 заведовавший грузинской Главнаукой.

Мы и думать забыли за полвека с лишним, что были когда-то такие люди — интеллигентные коммунисты. К их тонкому, но вселявшему надежды слою принадлежал и 30-летний Кита Мегрелидзе. Собственной жизнью, счастливой и трагической, ему предстояло испытать, есть ли советское будущее у людей такой породы.

Мягкий и страстный, доброжелательный и не соглашающийся, доверчивый, любознательный, великодушный — такими словами вспоминают о нем. Но дело не только в его личном обаянии.

Воспитанник раннего ТГУ, он относился к грузинской культуре, как к величайшей ценности, которую должно беречь и развивать. Искренне приняв Маркса, с жадностью впитывал и немарксистскую мысль, прошлую и современную (несколько лет учился во Фрейбурге и Берлине, слушал лекции Гуссерля и Вертгеймера). Сохранив живой интерес к людям, жизни, искусству, отвергал сухой схематизм и вульгаризаторство. Как ученого, его отличало целостное восприятие культуры и науки, а предметом главного внимания Мегрелидзе-философа стала человеческая мысль — ее усвоение и выработка, ее своеобразие, свобода мысли, ее активность и действенность. Конформизм был неприемлем и для его души, и для его философии.

По его предложению в мае 1930 был создан Институт наук Грузии, объединяющий все научные учреждения республики. «Положение» об ИНГ было утверждено грузинским ЦИКом 6 мая и через день опубликовано в тбилисских газетах.

Видимо, тут и выступил вновь на сцену Н.Я. Марр. Он был в зените своей силы, славы и яфетических увлечений. Его Кавказский историко-археологический институт в Тбилиси к этому времени сильно объединил свою работу с Яфетическим институтом в Ленинграде. Есть мнение, будто Марр был недоволен чисто грузинским характером ТГУ — отсюда и идея АН ССРГ, но здесь требуется основательное и конкретное подтверждение или опровержение. Известно лишь, что в 1930 некоторые грузинские ученые в разговорах между собой упрекали Марра в том, что он «загнал армян в Грузинскую Академию».

8 сентября 1930 Всегрузинский ЦИК переименовал Институт наук Грузии в Академию наук ССРГ и утвердил первый состав академиков. Академиков было 40. В Президиум АН вошли: Н. Я. Марр (президент), К. Ш. Орагвелидзе, А. И. Джанелидзе (вице-президенты), К. А. Сулаквелидзе (непременный секретарь), Л. В. Писаржевский.

Смешанные чувства возникают при взгляде на список членов АН ССРГ. Две примерно равные и почти не перекрывающие одна другую половины: одна — отдавшие себя науке, другая — партийно-государственные чины республиканского масштаба. За счет вторых — этот восточно-сановный размах: сразу 40 академиков.

Российская АН доросла до таких размеров через 200 лет после своего рождения — в 1923—28. Правда, УАН уже перемахнула эту цифру вдвое после выборов 1929, вливших в нее, как и в АН СССР, «новую кровь».

Главный из уроков «трех академий» не прошел мимо грузинской верхушки: коммунисты среди академиков АН ССРГ составили (для начала — незначительное) большинство.

Взглянем сначала на ту половину Академии, куда по справедливости должны были бы еще попасть ведущий грузинский филолог А. Г. Шанидзе, основоположник грузинского искусствоведения Г. Н. Чубинашвили, филолог-классик Г. Ф. Церетели. Здесь — крупные и известные ученые, и только ограниченность печатного пространства, находящегося в нашем распоряжении, и напор того материала, который недоступен читателю, заставляют нас пройти мимо характеристики главных членов АН ССРГ, ограничившись названием их имен.

Два «общесоюзных» академика — археолог, филолог и языковед Николай Яковлевич Марр (в АН с 1909) и химик Лев Владимирович Писаржевский (избран в АН СССР в феврале 1930, но еще в конце прошлого века прославился своими работами по перекисям, за что был отмечен Ломоносовской премией).

Трое ученых станут действительными членами АН СССР позже: Иван Александрович Джавахишвили, Иван Соломонович Бериташвили, Николай Иванович Мухелишвили. Первого из них не перестали еще относить к «правой профессуре» (январь 1930, на пленуме грузинского ЦК), но отнять у него место первейшего среди грузинских историков было невозможно. Что же касается физиолога Бериташвили и математика Мухелишвили, то их труды, их научные школы и членство в иностранных академиях — слишком известны, чтобы здесь повторять.

Далее — те члены АН ССРГ (кроме Мухелишвили и Бериташвили), которые прошли в Грузинскую АН и при ее повторном основании в 1941: психолог и философ Дмитрий Николаевич Узнадзе, специалист по древнегрузинской литературе Корнели Самсонович Кекелидзе, геологи Александр Илларионович Джанелидзе и Александр Антонович Твалчрелидзе.

В 1944 грузинскими академиками повторно стали географ Александр Николаевич Натишвили и философ Шалва Исаакович Нуцубидзе (в 1930 — проректор университета и вице-президент Института наук Грузии).

Добавим сюда экономиста Ф.Г. Гогичайшвили, а затем о нескольких — менее прославленных — членах АН ССРГ скажем чуть больше.

Для Г.Н. Николадзе избрание академиком стало последним триумфом его жизни. Перед этим, в 1926—28, он по командировке ВСНХ Грузии и ТГУ жил в Европе. Совершенствовался в математике (защитил в Сорбонне докторскую по алгебраической геометрии), выступал на международных конгрессах. объездил ряд электрохимических и электрометаллургических предприятий (частью этих поездок стало свадебное путешествие на велосипедах по Франции и Италии). Вернувшись в Тбилиси, осенью 1928 взял в Политехническом институте кафедры начертательной геометрии и электрометаллургии. В 1929 Николадзе спроектировал Тифлисский опытный ферромарганцевый завод, где в июне 1930 получили первый советский электротермический ферросплав (Николадзе был в СССР самым крупным специалистом в области металлургии марганца). Руководитель ранних восхождений на Казбек (1923) и Эльбрус (1925), он в 1929 организовал комплексную экспедицию по изучению Кавказского хребта.

Николадзе и АН ССРГ скончались одновременно. Модель изобретенной им, но так и не построенной машины была выставлена в экспозиции Политехнического музея в Москве и погибла в 1936 при разгроме Музея, когда для срочного освобождения помещения экспонаты просто вышвыривались через окно на улицу (чему личный пример подал Орджоникидзе).

Четверо ученых стали академиками секции прикладных наук АН ССРГ: Чичинадзе, Джандиери, Амираджиби, Кандаки.

Бесо Чичинадзе — инженер-энергетик, осуществлявший научное руководство электрификацией Грузии и строительством гидротехнических сооружений. Он изучал новейший опыт горного гидротехнического строительства в поездках по странам

Запада и выпустил две книги о европейских электростанциях, вел за рубежом переговоры в связи со строительством ферромарганцевого завода. Много сделал для развития железных дорог (при меньшевиках Чичинадзе был директором Грузинского департамента путей). Написал первый грузинский труд по железобетону и другие учебники для студентов. Руководил Грузинским техническим обществом.

Человеком высокой науки был Илья Леванович Джандиери, специалист в области животноводства, зачинатель генетики животных в Грузии. Он окончил Рижский Политехнический, совершенствовался в Германии, сделался профессором и ректором в Петрограде, был арестован в 1918 вместе с другими профессорами (его и дальше сажали по двум линиям: то как князя, то за науку). В Тбилиси организовал зооветеринарную кафедру в Сельскохозяйственном институте, вошел в руководство Государственного института экспериментальной ветеринарии.

К. М. Амираджиби был с дореволюционной поры ведущим специалистом Закавказья по сельскохозяйственному машиностроению и машиноведению. Он вел Машиноиспытательную станцию Грузии, где ставилась цель — создать твердый ассортимент применяемых в ЗСФСР орудий и машин (часть была получена из Америки, часть разрабатывалась на месте). Князь Амираджиби старался идти в ногу со временем: изучал проблемы электропахоты, создал при своей станции (она была «имени Амираджиби») курсы, где готовили кадры для МТС.

Василий Васильевич Канделаки, старый большевик, близкий знакомый Маяковских, был агрономом по образованию. После советизации Грузии — крупный администратор в Наркомземе, а затем перешел на научную работу в области экономики сельского хозяйства и возглавил соответствующие кафедры в двух институтах. Организатор и директор Всесоюзного института субтропических культур, он сохранил за собой на некоторое время и место ректора Сельскохозяйственного института. К моменту организации АН ССРГ Васо Канделаки был известен прежде всего как патриот субтропиков. Он занимался не только цитрусовыми (включая грейпфрут), но также много работал с бататом и новозеландским льном, внедрил в Грузии фейхоа.

Перечисленных ученых было бы достаточно, чтобы составить из них национальную Академию наук. Уровень этого научного ядра АН ССРГ (с оговорками, если хотите, по отношению

к прикладникам), направленность исследований, проводившихся названными учеными, вполне соответствовала высокому имени Грузинской Академии.

Прежде чем перейти к другой половине персонального состава АН ССРГ, бросим взгляд на ее несуразную конструкцию.

Академия разделена на 14 секций, объединенных в отделы естественно-математических и общественно-исторических наук. При этом в шести секциях — по одному академику (в секции языковедения — один Марр), в четырех — по два, а еще в четырех набирается 26 академиков. Грузиноведение разбросано по самым разным секциям.

Трое из пяти избранных по секции исторических наук — это местные партийные руководители Ф.И.Махарадзе, М.Д.Орахелашвили и Т.Г.Жгенти. Первый из них начал выпускать тридцатитомное собрание своих сочинений (оно оборвется в 1931 на 8-м томе по распоряжению Сталина), продукция двух других — меньше по объему, а по содержанию все вращается вокруг тем: освободительное движение, Закавказье, Грузия, большевики.

Раздуты секции философии и психологии (8 академиков) и экономических наук (9 действительных членов): тут сосредоточены не имеющие ученых трудов, но занимающие важные посты. Их появление здесь можно объяснить не только любовью к титулам, внутрипартийными нитридами и протектированием, но и командирским подходом к Академии как к «штабу» научной армии.

Про некоторых сколько ни спрашиваем — никто ничего не помнит. Про других вспоминают: С.Г.Пирумов — «полученный», но хороший человек (другое мнение: «необразованный», хотя «часто бывал у Луначарских»), А.А.Болотников — какой-то деятель из Закавказского коммуниверситета.

Котэ Горделадзе? Только-только закончил (1930) ИКП, специализировался по диамату, стал заниматься историей западной философии и социологии. В АН ССРГ, без сомнения, — лишь оттого, что стал в 1930 начальником Культпропа ЦК КП(б)Г.

Гайоз Девдариани? Комсомольский деятель, в сентябре 1930 назначенный наркомом просвещения Грузии на место смещенной Мариам Орахелашвили. Его, правда, всунули не в секцию педагогики, где осталась М.П.Орахелашвили, а к экономистам.

Г.А.Мгалоблишвили? Неплохой экономист. При поездках в Москву председателя СНК Грузии Филиппа Махарадзе, замести-

стителем которого он и являлся, Мгалоблишвили был обязательным сопровождавшим. С декабря 1930 — наркомфин ЗСФСР. Интересовался не только экономикой: также историей, литературой. Но какой же он академик?

Карло Орагвелидзе, вице-президент? С юности на руководящих постах. Незадолго до назначения в Академию был определен директором Закавказского института экономических исследований. Молод, энергичен, выступает против меньшевиков, кондратьевцев и т.д. Роль, намеченная для него в АН ССРГ, более или менее ясна, но он ее не сыграл: в 1930 послан на год в научную командировку в Берлин, а когда вернулся, советская грузинская академия №1 уже приказала долго жить.

И. А. Вашакмадзе? Этот 29-летний доцент, спец по диамату и истмату, едва вылупившийся из аспирантуры Института научной философии РАНИОН, попал в академики из-за свежего (июль 1930) утверждения в должности директора Пединститута. Л. В. Писаржевский звал его «Ишакмадзе». Впрочем, некоторые считали его талантливым.

Примерно таковы же основания для действительного членства в АН директора Финансово-кооперативного института Д. Г. Долодзе (мы совсем не хотим сказать, что он пустое место: совершенствовался в Германии, несколько томов Маркса перевел) и ректора Академии художеств Шуры Дудучава («Дура Шушучава», — острил Мухелишвили): по основной своей деятельности А. И. Дудучава — скорее театральный критик.

Здесь самое время признаться, что партийная половина АН ССРГ не вовсе лишена нашего сочувствия, возникающего, может быть, при сопоставлении этих людей с известными нам современными партаппаратчиками и профессорами от марксистских дисциплин.

Нам не в диковинку докторские диссертации, защищенные в Германии такими учеными, как Филипп Гогичайшвили и Дмитрий Узнадзе. И кажется в порядке вещей, что Натишвили, специалист по анатомии человека и животных, блестяще знал музыку, литературу, искусство, историю. Но приятно удивляет, что образованные (нормально образованные!) люди встречались и среди профессиональных большевиков — в частности, среди высоких партийцев, сделанных в 1930 грузинскими академиками.

Мариам Орахелашвили, большевичка с 1906, была дочерью захудалого князя. После того как отец ее погиб на войне, все десять детей его были взяты на воспитание в закрытые

учебные заведения. Мариам окончила сначала Смольный, потом Патриотический институт в Петербурге, затем училась на Бестужевских курсах и в университете, впитывала родную культуру через жизнь грузинского землячества в российской столице, жила в Германии и Франции, слушала лекции в Сорбонне, знала пять языков.

Председатель грузинского Госплана и зампред. Совнаркома Малакия Горошелидзе окончил юридический факультет в Женеве, французский и немецкий знал в совершенстве. Всерьез занимался грузинской литературой. Был, кажется, на месте как редактор (несостоявшейся) энциклопедии.

И мягкость, деликатность, терпимость, демократичность тоже встречались в высшем советском слое. Об этих качествах (плюс доброта) вспоминают знавшие Василия Канделаки. Мамия Орахелашвили, который был то первым секретарем Закрайкома ВКП(б), то предсовнаркома ЗСФСР, не настаивал на том, чтобы дочь его вступала в комсомол, а ее расхождения с любимым отцом были расхождения принципиальные. Тот же Горошелидзе, обожавший Сталина, мечтавший грудью своей принять пулю, направленную в вождя, всю жизнь прожил с женой-меньшевичкой.

И даже в молодое и полуобразованное поколение мы не хотели бы кидать и кидать камни. Среди зеленых и уверенных выдвиненцев (пытаемся дать здесь не характеристики, а штрихи группового портрета, не больше) — среди них были люди талантливые, знавшие языки, учившиеся за границей, собиравшие прекрасные библиотеки. Пример Мегрелидзе показывает, что и из них могли выдвинуться дельные ученые.

Но в большинстве своем они твердо выбрали партийную, а не научную карьеру, и избрание в академики мало что меняло в их судьбе. Функционировать дальше в партийном аппарате или быть исторгнутыми из него за какие-нибудь провинности — в любом из этих вариантов научное поприще (по высокому счету) оставалось для них закрытым. Временные исключения (Мегрелидзе) лишь подтвердили это правило.

Был в АН ССРГ еще один член, которого никак нельзя забыть: Константин Амбакович Сулаквелидзе. Личностью своей и положением непререкаемого секретаря он должен был как бы склеить две трудносоединимые половинки Академии.

Оратор, теоретик, прагматик. Дореволюционный глава меньшевистской организации Кутаиси, где, как ни в одном городе, меньшевики успешно противостояли большевикам. Париж

знал по дореволюционной эмиграции. Эвакуировался с правительством Жордания, вернулся в середине 1924.

Магистерская диссертация Сулаквелидзе была посвящена фёнам Грузии (ветры с гор), но основная его научная специальность — конечно, математика: он даже автор нескольких учебников для высшей и средней школы на грузинском языке. Назначен он в секцию физики и геофизики из-за того, что был директором геофизической обсерватории, в 1930 преобразованной в Закавказский гидрометеорологический НИИ: приоритет ведомственного подхода перед научным.

Назначение его на пост неперменного секретаря — для многих неожиданность. Часть ученых относилась к Коциа Сулаквелидзе настороженно, а он искал новый путь примирения с большевиками. Недолгое время, пока формально существовала АН ССРГ, его шутя называли «Коциенбургом», по аналогии с неперменным секретарем Всесоюзной Академии наук и тоже «соглашателем» С. Ф. Ольденбургом.

Первую и последнюю беседу с представителями прессы неперменный секретарь закончил словами:

«Под конец хотелось указать на одно обстоятельство: вся белая эмиграция кричит об удушении грузинской культуры. Однако возникновение Академии наук ССРГ еще раз дождно подчеркнуть всю лживость этих притчаний политических банкротов»¹.

Организаторы Академии учли, кажется, все веления времени: пропагандистское значение АН, размах и направленность, достойные пятилетки, твердое идейное руководство, выдвижение молодежи — все есть. Не подумали об одном: захочет ли Сосо (напомним: он возвел **себя** в академики только в 1939).

Все обстоятельства — будто бы «за». Где-то предложили, утрясли, утвердили персональный состав. Решено, подписано, опубликовано. Академии передается здание наркомата финансов на улице Кецховели. Подчинена Академия Главнауке. Марр удовлетворен и снова едет в Ленинград.

А дальше — молчок. О таинственных событиях рассказывают лишь устные легенды, которым хочешь верь, хочешь не верь.

Торошелидзе приезжает в Москву. Спрашивает его Серго:

— Не избрали ли в члены Грузинской Академии Папулия Орджоникидзе? — (Это он про брата, что заведовал в Закавказье железными дорогами.)

Торошелидзе (не почувствовав иронии):

— Наше упущение. Мы исправим ошибку.

Орджоникидзе засмеялся:

— Кому нужна такая Академия, в которой Папулия будет академиком... — (Любимый брат Серго был пьяница, драчун и, по-сегоднешнему выражаясь, отнюдь не интеллектуал.)

Этой сцене предшествовала другая, более важная.

Об основании АН ССРГ доложили Сталину. Его реакция:

— Сейчас у нас грузины основали Академию. Затребовали армяне... (назвал еще несколько наций). Мы не в состоянии открыть несколько академий. Лучше закрыть одну.

В Тбилиси у Академии тоже нашлись противники. Известен, во всяком случае, П.А.Шария, тоже новоявленный академик, приложивший руку к ликвидации АН ССРГ под предлогом ее идеологической ненадежности⁴⁴.

И вот где-то в январе или феврале 1931 заседает грузинский ЦК. Ведущий заседание сообщает:

— Нужно закрыть Академию.

Встает Мегрелидзе. Он тоже академик и член бюро парт-организации АН ССРГ. Он давно огорчен тем, что формирование высшего научного учреждения республики ушло в сторону от его первоначальных предложений. Мегрелидзе:

— Если избрали недостойных, — это надо исправить: заменить их, отозвать. Академию закрыть — преступление против грузинской культуры, грузинской науки, грузинской совести.

Берия (уверенно идущий к тому, чтобы в ноябре возглавить большевистские организации и Грузии, и всего Закавказья):

— Садитесь. Вас не спрашивают.

Мегрелидзе:

— А кого спрашивают? Не вас ли? Главнаука — вы или я? С меня и спросится. Вы там наладьте ваши дела в Чека, а я...
— Садитесь. Вас не спрашивают, — обрывает его Берия второй раз.

Три человека проголосовали за оставление АН ССРГ, остальные (большинство) — постановили ее закрыть. Через неделю после этого Мегрелидзе был освобожден от заведования Главнаукой, и Шария занял его место.

Мы не знаем, пытался ли Марр защитить Грузинскую Академию. Но запомнили его слова: «Единственное, что я сделал для своего народа, — основал Академию. И ее закрыли».

В 1929 — 33 организационные перестройки грузинской науки следовали одна за другой (то же — по всему Союзу). В январе 1933 был воссоздан университет, затем образовалось множество НИИ. АН СССР, исходя из общей своей установки «на создание очагов научной мысли на местах, находящихся в ве-

дении Академии наук⁴⁵, создала в Тбилиси Закавказский филиал Академии. Тем самым именно в Тбилиси было начато опробование генерального пути формирования местных академий: сначала филиал АН СССР, затем он превращается в дочернюю — республиканскую АН⁴⁶.

Новое постановление об организации АН Грузинской ССР датировано 10 февраля 1941. Но до той поры много утекло в Грузию воды и крови⁴⁷.

Расскажем подробнее о судьбе трех погибших.

Илья Леванович Джандиери. Из его кафедры и лаборатории в Сельскохозяйственном институте вырос Грузинский зооветеринарный институт, открытый в 1932. У студентов Джандиери был любимым профессором. Высокий, голубоглазый, всегда в движении. Высказать личное мнение считал обязанностью своей. Когда ему говорили: «Эта диссертация обязательно должна пройти», — отвечал: «Это очковтирательство! Для науки это не годится! Для практической работы не годится!» Замечал, кому трудно живется, — и по своей инициативе помогал. Дружил с Н. К. Кольцовым, многократно бывавшим у него в середине 30-х годов, в трудное для Кольцова время: их, по-видимому, занимали возможности экспериментирования с шелковичным червем. Работал над проблемой определения генетической породы лошадей по их крови; но большой итоговый научный труд пропал вместе с автором.

Он был крупнейшим в Грузии специалистом в области животноводства, но с ним не очень-то считались. Увидев в Самтредиа местных кур, Джандиери загорелся: можно такое птицеводство организовать, которое не только Грузию удовлетворит, но и Россию! Однако не смог убедить власти взяться за организацию крупных птицеферм. Без советов с ним, да и вообще со специалистами, закупались в Дании в 1934 — 35 красивые коровы, которые быстро дошли от бруцеллеза.

Жил Джандиери в Орточалах: одноэтажный дом с большим подвалом, виноградник, инжир, магнолии, собака. Раз как-то Берия или кто другой из грузинских вождей прислал за ним машину: пригласил знатока посмотреть на свой сад-огород. Джандиери отказался: «У меня лекция».

В один из арестов, в 1933 или 1934, его допрашивали о Вавилове и Кольцове. Жена нашла связи через родственников, и через два дня после того, как главный врач Кремлевской больницы доложил Сталину о случившемся, его отпустили.

В 1937 его расстреляли.

Погиб и Константин Романович Мегрелидзе.

Оставшись в Тбилиси не у дел, он обратился к Марру, и тот предоставил ему в 1932 место старшего научного сотрудника в Институте языка и мышления в Ленинграде. Позже Мегрелидзе стал также заведующим Национальным отделом Публичной библиотеки. Он был арестован в начале 1938, в конце 1939 освобожден, взят снова в декабре 1940, скончался в лагере (Кировская область) в 1944. Жена была арестована почти одновременно, отбыла 10 лет лагерей плюс 7 ссылки.

В 1932—35 Мегрелидзе написал первую книгу. В 1936—40 издание четырежды останавливалось. В 1938 сигнальный экземпляр был спасен другом Мегрелидзе из запечатанного после ареста хозяина кабинета Мегрелидзе. Посмертная реабилитация автора сделала возможным выпуск книги⁴⁸.

Из лагеря доходили его письма, а для дочери Мегрелидзе сочинил легенду, где авторская мысль дана без подтекста: «нет в мире ничего дороже человеческой жизни и нет преступления тяжелее невинной человеческой жертвы». За месяц до смерти он написал:

«Сегодняшний день я считаю самым счастливым днем моего второго рождения. /.../ Единственное, и самое дорогое, что у меня здесь осталось, — это мир моих мыслей, хоть они и не приносят мне практической пользы.

И вот закончена моя книга, где они все выстроены в единое целое». Книга эта «будет издана вопреки всему на свете»⁴⁹.

Разыскать книгу не удалось.

В. В. Канделаки возглавлял трест лимонно-мандариновых культур, и однажды у него вышел крупный конфликт с Берия. В 1935 Берия собрал у себя совещание, на котором было сказано, что за границей будет куплено несколько миллионов мандариновых саженцев, с тем, чтобы через пять лет полностью обеспечить СССР отечественными мандаринами. Канделаки стал возражать: так просто не получится, саженцы могут не прижиться, велика опасность завезти щитовку, уже был печальный опыт до революции, когда саженцы пришлось сжигать прямо на корабле. Берия: «Тебя не спрашивают. Тебе будет сказано — ты сделаешь». Канделаки записал свое особое мнение, а после совещания поехал в Москву, отыскал Вильямса, с которым вместе учился в Петровской академии, и передал через него свои соображения Сталину. Берия при очередной поездке в Москву получил от вождя нагоняй («Специалистов надо слушать!») и пообещал Василию Канделаки: «Я тебе это вспомню».

В. В. Канделаки арестован 5 августа 1937, получил 10 лет без права переписки. Расстрелян в феврале 1938: вскоре после того, как Берия заступил место Ежова.

При новом основании Грузинской АН кандидаты в академики становились членами ВКП(б). Когда знакомые геолога Твалчрелидзе, прежде не проявлявшего особой близости к большевикам, спрашивали его, как он оказался в партии, Твалчрелидзе без всяких объяснений отвечал: «Так надо».

На торжественном открытии академии в здании грузинского ИМЭЛ первой фразой Мухелишвили было: «Я занимаю место, которое по праву должен занимать Иван Александрович Джавахишвили» (Джавахишвили несколько месяцев не дожидаясь этого момента).

Мухелишвили цену людям знал и умел сказать о них острое слово: «Шария состоит из двух полу-Шарий, на которых сидит».

Последний эпизод. Ивана Соломоновича Бериташвили наградили, и по этому поводу ему звонит с поздравлением глава грузинских коммунистов. Бериташвили: «Это какой Мжаванадзе? А, директор ЦК! Ну, спасибо, Мжаванадзе, спасибо. Если хочешь — заходи. Я к тебе не зайду: у меня времени нет», — и повесил трубку.

Такие рассказы становятся в Грузии почти фольклором, но явно сохраняют суть события, послужившего их первопричиной. Они не оставляют сомнения в том, что история Грузии (вместе с историей грузинской науки) не останется бледной схемой: яркие краски ее — невытравимы.

3

В Эстонской Республике создание АН было окончательно решено на двадцатом году ее отдельного существования — в 1938.

Как и в Грузии (и одновременно с нею), здесь первоначальным центром притяжения и колыбелью национальных кадров стал университет. Бывший немецкий Дерптский, потом русифицированный Юрьевский, он получил теперь название Тартуского (ТУ) и пережил трудный процесс национального обновления⁵⁰.

Полное национальное пересоздание Тартуского университета осуществилось, однако, не сразу. Эстонизация раньше охва-

тила содержательную сторону преподавания и состав студенчества (в 1926 среди студентов ТУ 85% составляли эстонцы, 6% — немцы, 4% — русские, 2% — евреи). Язык преподавания менялся медленно. Особенно огорчительным было поначалу положение с преподавателями-эстонцами, которых просто неоткуда было взять.

В 1925 ординарные профессора ТУ распределялись по национальной принадлежности так: эстонцев — 17, балтийских немцев — 15, германских немцев — 10, далее — трое русских, два венгра, по одному финну и еврею. Немцы-профессора составляли, таким образом, хотя и незначительное, но абсолютное (у медиков — и подавляющее) большинство.

Тем не менее, стимулируемые сверху процессы «национального обособления» и вытеснения балтийских немцев расчищали путь политике эстонизации⁵¹. Происходила постепенная, но основательная смена университетских кадров. Непрерывное выдвижение национальных научных сил легко проследить на примере всех членов ЭАН: дореволюционные профессора — Палдрок и Пуусепп; в 1919 стали преподавать в ТУ Марк, Суйтс, Сепп; в 20-е гг. — сначала Кахо, Когерман, Улуотс (тогда же из Воронежа приехал Шлоссман, а из Ташкента — Эпик), а потом — Лооритс, Липпмаа, Кант. Мы видим: Эстонская Академия наук составила почти целиком из ученых, которые утвердили себя как ученые уже в годы независимости.

Вот первое, на что ушли двадцать лет.

Взлет национального самосознания в атмосфере независимости и демократических свобод способствовал в эти годы развитию «национальных наук»: изучению эстонского языка, литературы, фольклора, истории, этнографии — и всего комплекса финно-угроведения. «От Эстонии» шли в своих исследованиях демографы и экономгеографы. Перестройка народного хозяйства на основе собственных ресурсов потребовала прогресса в области химической технологии (сланцехимия). В познании родной природы продвинулись геологи, ботаники, географы. Государственное строительство и развитие международных связей поддерживали интерес к вопросам права.

В небольшой стране особенно велика роль отдельных выдающихся ученых в развитии определенных научных дисциплин и направлений: так, в результате деятельности Э.Эрика эстонская астрономия и скромная по возможностям Тартуская обсерватория не потерялись в XX веке на ярком фоне мировой науки.

Если прибавить сюда традиционно высокий в Прибалтике

уровень медико-биологических наук и, может быть, наук, связанных с сельским хозяйством, то в первом приближении мы очертили «научную специализацию» Эстонии, определившуюся в годы независимости. За два десятилетия жизнь отобрала круг дисциплин, достойных быть представленными в национальной Академии наук.

Сама идея Академии пробилась в жизнь не сразу.

Мысль о создании Научного института Эстонии как подобия Академии наук, только с более «низким» названием, отвечающим более скромному содержанию (впрочем: Институт Франции!), зародилась еще в 1917 — вскоре после академического конгресса. Недавно возникшее Академическое общество связывало тогда проблемы организации науки с планами переустройства университета и пропагандировало идею единого научного центра при эстонском университете. Сторонники же Научного института Эстонии мыслили его вне университета, над ним.

Одним из инициаторов создания Научного института был В.Эрнитс, поднявший этот вопрос в Учредительном Собрании Эстонии. С ним согласились. Учредительное Собрание рассмотрело проект устава, Комиссия по вопросам образования выработала план, план этот был напечатан в качестве закона в начале 1919.

Но дальше решение вопроса было сильно отодвинуто — и программа создания Института наук осталась неосуществленной⁵².

Когда Пятс стал у власти (1934), неутомимый Эрнитс (непрактичный энтузиаст, языковед-полиглот, глава движения за трезвость) предложил ему прежнюю идею, так сказать, в скрытом и урезанном виде: основать Фенно-угрию как объединение соответствующих исследовательских учреждений. На это Пятс пошел, и Эрнитс был некоторое время секретарем Фенно-угрии. Организацией же ЭАН Пятс занялся по-своему — и в своем кругу.

Создание Академии (опять аналогия с Грузией) подталкивалось тем, что ТУ, оставаясь главным центром эстонской науки (устав 1825 предусматривал и исследовательскую деятельность в его стенах), перестал быть единственным ее центром. Таллинский (высший) техникум, слившись (1936) с техническим факультетом ТУ, сделался Таллинским техническим университетом, где сосредоточились прикладные исследования (Государственная опытная лаборатория существо-

вала там с 1923). Вырос и стал государственным (1931) Эстонский народный музей.

Объединить деятельность научных организаций страны, поставить их под больший контроль со стороны государства призваны были «организации-крыши», созданные в 1937—38: Институт природных богатств и Комитет сельскохозяйственных исследований и опытного дела. В ряду этих организаций предлагают рассматривать и ЭАН как «организацию-фасад»⁵³.

Внутренняя обстановка (концентрация государственной власти, политическая стабилизация, ослабление внутривластной борьбы, новая волна национального подъема) благоприятствовала созданию национальной Академии⁵⁴.

Организация ЭАН была намечена законом 1936. Реально же Эстонская Академия наук как центральное научно-исследовательское учреждение страны основана декретом от 28 января 1938.

Согласно утвержденному тогда же уставу, в члены ЭАН могли выбираться граждане Эстонии, внесшие заметный вклад в науку и проявившие организаторские способности в области науки.

Академия должна была состоять из двух секций — гуманитарной и естественнонаучной, по 10 человек в каждой. Шесть первых членов каждой секции надлежало назначить президенту республики (предложить их должен был министр просвещения), а потом академики сами должны были выбирать ежегодно по одному новому члену, поочередно то в одной, то в другой секции, пока их общее количество не достигнет 20 человек (забегая вперед: они успели выбрать одного).

Было предусмотрено, что по достижении 70-летнего возраста академики будут переходить в разряд эмеритированных членов, освобождая для следующего поколения места в Академии (до таких событий ЭАН не дожила).

Предусматривался институт членов-корреспондентов ЭАН (и здесь Академия не успела развернуться).

13 апреля 1938 Пятс утвердил первый состав Эстонской Академии наук: по секции гуманитарных наук — специалист по географии населения Э.Кант, фольклорист и языковед О.Лооритс, лингвист Ю.Марк, историк Х.Сепп, писатель и литературовед Г. Суйтс, историк права Ю.Улуотс; по секции естественных наук — физиолог растений Х.Кахо, химик П.Когерман, дерматолог и венеролог А.Палдрок, невролог и

нейрохирург Л. Пуусепп, микробиолог К. Шлоссман, астроном Э. Эпик.

Президентом был назначен Карл Шлоссман.

Вице-президентом общее собрание выбрало Юлиуса Марка, а руководителями секций академики избрали Эдгара Канта и Пауля Когермана.

Ученым секретарем ЭАН стал энтомолог Х. Каури.

Первый год существования Академии ушел на организационную работу. Торжественное открытие ЭАН состоялось 22 октября.

В мае 1939 Академия избрала в свой состав ботаника Теодора Липпмаа; он и остался в ней единственным выборным (не назначенным) членом.

Состав ЭАН и сейчас вызывает критические толки. Говорят: Пятс назначил в Академию своих сторонников. Доказывают, что пятсовская Академия — несолидна: в нее не попали А. Сарестэ и Ю. Мягистэ, не уступавшие Ю. Марку как языковеды, и В. Андерсон — более крупный этнограф, чем Лооритс. Одному собеседнику кажется, что из историков вместо Сеппа следовало выбрать Х. Крууса, другому предпочтителен Х. Моора. Вспоминают, что тартуская интеллигенция без особого уважения относилась к ЭАН (ходило выражение: «дополнительный источник кормления верных»). И, вплоть до эмигрантских изданий⁵⁵, кажется, сходятся в одном: при подборе состава ЭАН Пятс отошел от демократических принципов.

Соглашаясь с этим общим мнением, рискнем все же утверждать, что по венаучной пристрастности отбора, частому несоответствию его истинной значимости ученых, по зависимости АН от государства — Эстонской Академии 1938 года далеко было до современных республиканских академий СССР.

Одной из труднейших задач, стоявших перед Пятсом, было взвесить, к какой корпорации или какому студенческому обществу принадлежал каждый кандидат в академики. Эти организации, игравшие большую роль в жизни образованного слоя Эстонии, ревниво отнеслись к выбору Пятса, но, думается, удовлетворить все стороны было невозможно⁵⁶.

Бросался в глаза выбор Юри Улуотса — одного из ближайших сторонников Пятса. В 1939 он станет премьером и про него будут говорить, что он проводит пятсовскую политику в более гуманном и более приемлемом виде: смягчает диктатуру. В общении с противниками Улуотс был для Пятса посредником. Главное же — он не только политик, но и незаурядный ученый: с 1920 преподает в ТУ, занимает там кафедру истории

эстонского права, изучает также аграрную историю Эстонии. Если иметь в ЭАН ученого-правоведа, то кого же, если не Улуотса?

Сепп, по своим взглядам, действительно, куда ближе Пятсу, чем Круус или Моора. Но кто возразит против его научной основательности? «Антирусская» направленность труда об осаде Нарвы и некоторых других работ, вызывающая сегодня официальное прохладное отношение к его научному наследию, — не резон. При подборе членов ЭАН не в последнюю очередь думали о представительстве эстонской науки за рубежом, международная же известность Хендрика Сеппа была достаточно велика.

Но вот рядом Суйтс: они с Пятсом всегда были в разных политических лагерях. В период наибольшей своей политической активности, в 1917—19, Суйтс был социалистом-революционером. После заключения Брестского мира он составил проект конституции Эстонской Трудовой Республики: по этому плану Эстония должна была стать республикой между Советами и Германией⁵⁷.

Суйтс и дальше оставался в той группе эстонской интеллигенции, которая хотела Эстонии независимой, но непременно социалистической. Пятс сумел оказаться выше политических страстей, включив Суйтса в число первых академиков.

Можно понять, почему среди лингвистов предпочтение было отдано Марку. Он был профессором ТУ с 1919 (Саарестэ и Мягистэ учились там у него), с 1929 председательствовал в Ученом Эстонском обществе — самом старом и авторитетном из тех научных обществ, которые после основания ЭАН должны были существовать уже при ней. Его работы отличались особенно широким охватом самых разных финно-угорских языков. Уже став тартусским профессором, Марк больше других лингвистов — и подолгу — бывал с научными целями за рубежом (Хельсинки, Лапландия, Венгрия, Россия). С 1933 он являлся иностранным членом Венгерской АН.

Знавшие Марка вспоминают о нем так: он «считал себя чуть ли не Богом в науке», он не любил и не оценил Саарестэ, мог отомстить за указание на его, Марка, ошибки, «очень горький был человек». При этом будет добавлено: «Но ученый был очень большой».

Какая-то несправедливость есть в том, что Марк стал академиком, а Саарестэ, первейший из знатоков родного языка, — нет. Но устарев не закрывал возможности иметь среди членов ЭАН нескольких представителей одной дисциплины. При первых же выборах ботаник Липпмаа стал академиком

при живом ботанике Кахо. Поэтому можно предположить, что при последующих выборах в состав Академии могли войти Саарестэ, Моора, Андерсон (если бы обстоятельства не заставили его покинуть Эстонию в 1939³⁸), так же как и специалисты в тех областях науки, которые поначалу не были представлены в ЭАН: этнограф Ф. Линнус, физико-географ А. Таммеканн и другие.

Споры о первом составе ЭАН правомерны, многие упреки справедливы. Однако сомневаться не приходится: непохожие и противоречивые люди, собравшиеся здесь, составляли гордость эстонской науки.

Еще о них:

Карл Шлоссман, президент. Статьи о нем — в энциклопедиях на разных языках. Развивал микробиологическую диагностику, и одна из реакций носит его имя. Доктором медицины стал в Воронеже, остаться там не пожелал. Изучал распространённость и профилактику заразных болезней в Эстонии. Виднейший курортолог, исследовал эстонские лечебные грязи.

Лудвиг Пуусепп. Основоположник нейрохирургии в Эстонии. Адвентист седьмого дня. До репатриации (1920) десять лет был профессором Психоневрологического института в Петрограде, в 1913 стал президентом Института; работал там с В. М. Бехтеревым. В эстонской армии — генерал-майор медслужбы. Член-корреспондент Португальской АН с 1920. Основатель и президент (1922 — 30) Французского научного института в Тарту.

Густав Суйтс. Поэт, при жизни ставший классиком эстонской литературы. Ее историк, профессор-литературовед. На предложение защитить диссертацию ответил, что, по его мнению, Суйтс — это уже титул.

Оскар Лооритс: еще пример того, что в Академии — не только те, кто нравился Пятсу. Фольклорист и языковед. С 1927 руководил Архивом эстонской фольклористики. Даровитый, работоспособный, неуравновешенный, увлекающийся. Вчера дружил — сегодня не отвечает на поклон. Не жаловал других положительными оценками. Когда писал, уже за рубежом, воспоминания — наносил обиды направо и налево. Неустанный исследователь ливского фольклора, стремившийся пробудить национальный дух в ливах и добиться для них в Латвии автономии. Ездил без разрешения (на велосипеде через границу) в ливские районы, не раз высылался латышскими властями.

Пауль Николай Когерман. Сын таллинского рабочего (в мо-

лодости матроса). Экстерном окончил Александровскую гимназию в Таллине; до этого учился в Петербурге, после этого — в Тарту и Лондоне. Стал химиком-технологом мирового класса, работал попеременно в Тарту, Цюрихе, Гарварде. Ректор и профессор Таллинского технического университета. Основатель сланцехимии.

Эдгар Кант: самый молодой из академиков (36 лет) и фантастически трудоспособный. Путешествовал по Европе и Северной Африке. Исследовал географические аспекты взаимоотношений человечества с природной средой, особенно в Эстонии. В 1938 стал проректором университета. Скандинавофил («Балто-Скандия» — его термин). Считал (немного позже), что прибалты должны так же сопротивляться Советскому Союзу, как финны.

Александр Палдрок: самый старый из академиков (утвержден в звании на 67-м году жизни). Много сделал для победы над проказой и гонорреей. Германофил. Глава частной клиники в Тарту. Владелец самой большой в городе коллекции анекдотов. Генерал-майор медслужбы. Почетный президент Международного общества лепрологии в Париже. Член Академии «Леопольдина» в Галле (Германия).

Хуго Кахо. Став ректором университета в начале 1938, сначала отвергал предложения об основании кафедры русистики: ни языка, ни литературы. Потом, видимо, вынужденный оглянуться на Россию, сам пытался организовать не то профессуру, не то доцентуру русистики: поздно. После советского переворота потерял ректорство...

Мы перебрали всех первых, кроме одного, о котором хотим подробнее — может, оттого, что узнали о нем больше, чем о других: Эрнст Эпик (Õrik E.).

«В среде малых народов редко появляются всемирно известные ученые. Ведь они находятся вдали от главных научных магистралей, где движутся свежие мысли и знания, их материальная база слаба, препятствием являются языковой барьер и великодержавный шовинизм, считающий, что здание науки строится учеными только своей страны. Поэтому завоевание мирового призывания не так-то просто. Эпик достиг этого. Трудно сравнивать, но, кажется, что из эстонских ученых в области точных наук именно его работы завоевали самое широкое признание»³⁹.

16—19-летним юношей, независимо от Циолковского, Эпик рассчитал отношение масс отдельных ступеней многоступенчатой ракеты, определил оптимальные траектории межпланетных перелетов и исследовал, причем весьма детально, ряд других технических сторон космических полетов. Работ этих Эпик нико-

гда не публиковал, считая их «идеалистическими», и вспомнил о них только в 1957.

Для университетской учебы он выбрал не Тарту, а Москву: там легче было зарабатывать уроками иностранных языков. Усвоив курс заранее, Эпик смог основное время тратить на научную работу и опубликовал 18 своих трудов.

После окончания университета (1916) его, естественно, оставили для подготовки к профессорскому званию. В 1920, при организации Среднеазиатского государственного университета, Эпик отправился в Ташкент, где стал доцентом астрономии. Вскоре решил репатриироваться, и с декабря 1921 мы видим его в роли астронома-наблюдателя обсерватории ТУ.

Кафедра астрономии в ТУ уже была занята Тааветом Роотсмяэ, в подчинение к которому и поступил Эпик. Лекции по общей астрономии, подготовка учителей, создание гимназического учебника, популяризация астрономических знаний — здесь Эпик не был конкурентом своему профессору. Зато в углубленной подготовке будущих ученых Эпик стал играть выдающуюся роль. Можно было быть уверенным, что если пришли два студента (лекции Эпика не очень-то посещались), то лекция состоится. Бывало, он читал лекцию в своем обсерваторском кабинете одному А.Кипперу. Писал не на доске, а на листе бумаги, и, если присутствовали двое-трое студентов, они заглядывали друг другу через плечо. В семинаре по астрофизике у него занимались трое, но это были не школярские занятия, а научная работа. Свои научные труды, обычно коллективные, студенты могли публиковать на любом из трех западноевропейских языков (по своему выбору). Так что в создании эстонской астрономической школы Эпик сыграл роль по крайней мере не меньшую, чем Роотсмяэ.

Всю жизнь работая на малых обсерваториях, Эпик сумел выбрать доступные для изучения проблемы (которые большим обсерваториям представлялись второстепенными) и разработать строгие методы исследований. Благодаря Эпику, уже через несколько лет изменилось положение Тартуской обсерватории в астрономическом мире.

Особенно много времени уделялось метеорным исследованиям. Впрочем, нет такого класса астрономических объектов, который не изучался бы Эпиком-теоретиком. Он участвовал во многих дискуссиях, и часто ему удавалось сказать в своих публикациях решающее критическое слово, поколебать стареющую концепцию или выдвинуть подтвердившиеся позже идеи (кометное облако в окраинной части Солнечной системы,

эволюция звезд через стадию красных гигантов и т.д.). Уже в 1922 он по-новому определил расстояние до туманности Андромеды, подтвердив ее внегалактическую природу. А одновременно занимался музыкой (опубликовано несколько его фортепьянных произведений), проводил в Тарту (неудачные, правда) опыты с запуском ракет.

Он общался с ведущими астрономами мира. Х.Шепли пригласил его к себе в Гарвардскую обсерваторию, и Эпик проработал там с 1930 по 1934, особенно прославившись своей метеорной экспедицией в Аризону. Вернувшись в Тарту, с горечью отметил, что заработок его здесь в семь раз ниже, чем был в Гарварде.

Но вот он стал членом ЭАН, и материальное положение, пусть ненамного, но улучшилось. Звание академика восстанавливало справедливость и в другом: признавало главенство Эпика в эстонской астрономии.

...Хотя акт открытия ЭАН состоялся в Таллине, находилась Академия в Тарту. Она разместилась в здании по улице Лай (теперь Мичурина, 36).

Годовой бюджет ее был определен в 100 тысяч крон: сумма очень скромная, а реально Академия имела сначала еще меньше. Кроме государственных субсидий, ЭАН получала пожертвования. Никакого постоянного жалования академикам не платили, но они могли рассчитывать на финансирование их работ: собирание материалов, доставка оборудования, оплата труда помощников, покрытие издержек, связанных с итоговыми публикациями. На определенные темы выделялись исследовательские стипендии, которые могли получить как академики, так и молодые ученые. Из первых одиннадцати стипендий, назначенных на 1938 — 39, академиком предназначалось восемь. В перспективе, кажется, предполагалось и финансирование заграничных командировок.

Академия должна была издавать ежегодник (первый и единственный том вышел в 1940⁶⁰) и ученые записки.

Через ЭАН финансировались ученые общества, отданные под ее руководство. При ЭАН состояли Ученое эстонское общество, Общество исследователей природы, Академическое историческое и Эстонское краеведческое.

Процесс собирания науки под власть ЭАН не был бесконфликтным. Научные общества не желали терять независимость. Недовольство усиливал Ю.Марк, склонный к самоуправству и деспотизму. Под предлогом того, что организация

диалектологических исследований нуждается в серьезном преобразовании (это была сушая правда), Академия по инициативе Марка стала отнимать эту давно проводившуюся работу у Академического общества родного языка. Контрпредложения Общества игнорировались, общество было лишено субсидий. Конфликт начался в мае 1938, а в июне 1940 ЭАН пошла на организацию сверхкарликового Института диалектологических исследований (один научный сотрудник в штате!). Единственным результатом было падение престижа ЭАН. (Кроме противопоставлений «советской» и «буржуазной» науки, интересны и параллели, от которых не отмахнуться.)

Через дорогу от Академии, там, где теперь новый телеграф, размещался университетский Архив эстонского языка и родственных языков. На бумаге он тоже был переведен в Академию, но передачу не успели осуществить, и Архив остался при университете до послевоенных лет и основания АН ЭССР.

Среди неосуществившихся замыслов ЭАН — большой этимологический словарь эстонского языка. Этому замыслу не повезло: после того, как Тоомсэ (один из первых стипендиатов ЭАН) и Аристэ начали эту работу (программа, картотека), Академию закрыли. Работа была продолжена на университетской кафедре, но в 60-е годы громадная часть материалов сторела. Теперь все сызнова началось в Таллине.

В июне 1940 Эстония стала советской, и вскоре Х.Хаберман, начальник внутренней охраны в правительстве Вареса, своим приказом «временно закрыл» ЭАН «до ее реорганизации»⁶¹. Законодательным актом правительства от 17 июля ЭАН была ликвидирована. В комментарии к закону было декларировано, что «ликвидация Эстонской Академии наук не является актом, враждебным науке»⁶², что, наоборот, науку надо развивать еще сильнее, для чего... создаются соответствующие планы. «Организации-крыши» были распущены, а научные учреждения — розданы по наркоматам. Из ТУ уволили всех преподавателей, а потом выборочно принимали обратно. Организовали при университете Институт научных исследований как зародыш новой, советской АН, но это было уже на пороге войны.

В 1940 многие радовались падению старого режима и готовы были распустить все и вся. ЭАН же так зарекомендовала себя, что не многие посочувствовали ей в ее беде.

А для Эпика закрытие Академии явилось тяжким ударом. Он терял свое положение и автоматически переводился на вторую роль. Только в одном он почувствовал неожиданное вни-

мание к себе: его ненапечатанной работой о направлениях ветров на улицах Тарту заинтересовался советский штаб ПВО.

С июня 1940 по Эстонии шли аресты, а 13—14 июня 1941 была проведена первая массовая депортация (женщины и дети в ссылку, мужчины в лагеря). Улуотс, возглавлявший эстонское правительство с октября 1939 по июнь 1940, летом 1941 скрывался на хуторе между Тарту и Выру, а Когерман, бывший в его правительстве министром просвещения, не уберется и был взят.

Ректором университета при немцах стал Э. Кант. Его видели в военной каске, с автоматом: ходил вокруг университета. Охранял? Или демонстрировал свою лояльность? Утверждают, что притворился другом оккупантов, чтобы спасти то, что мог спасти. И сейчас, почти сорок лет спустя, нам довелось не раз слышать тихие слова благодарности в адрес Канта за сохранение университета, его коллекций, аппаратуры и т.д.

Экс-академики работали в ТУ, но жизнь военных лет была нелегкой. Эпик не голодал только потому, что в Южной Эстонии у него был хутор, где он сам пахал, сажал, собирал урожай. Умерли Пуусепп, Сепп, Палдрок. Погиб Теодор Липпмаа. Липпмаа с 1930 был профессором систематики растений. Он совершил исследовательские путешествия на Алтай, в Лапландию, Центральную Европу и Северную Африку. Создал новый подход к исследованиям растительных сообществ и выпустил ряд книг по ботанике и геоботанике. Перед войной был председателем Общества исследователей природы.

Жил он в Ботаническом саду, наверху, за оранжереями. Январским вечером 1943, во время налета на мост Свободы, находившийся рядом с Ботаническим садом, он погиб от советской бомбы вместе с женой и дочерью. Уцелел только его сын, 12-летний Эндел Липпмаа, посланный в аптеку за лекарством. Т. Липпмаа был похоронен сначала в Таллине, но новая советская бомба расшвыряла его могилу.

Хотя Липпмаа ничем не провинился перед советской властью, долго старались не упоминать его имени. В ряду мемориальных досок, установленных на фасаде оранжерейного корпуса, и сейчас нет посвященной ему, и только если обойти оранжереи и по тропинке из плит подняться на вершину небольшого холма, мы увидим там окружность, выложенную из тех же плит и напоминающую очертания воронки, а в центре, на зеленой лужайке, — небольшой камень с вырезанным на нем именем ученого. Немного цветов, кусты... Одно невысокое, изогнувшееся, покореженное на вид дерево...

В феврале 1944 Советская Армия вступила на территорию

Эстонии, в августе заняла Тарту, в ноябре овладела последним клочком эстонской земли.

В 1944 расколось ядро эстонской нации. Громадная часть национальной элиты покинула страну. Не забыть было первого «временного» появления советских войск в 1939. И как в 1940 уничтожили чуть не все эстонские культурные организации: общества (вплоть до музыкального и общества трезвости), журналы, спортивный союз, ЭАН. А в июне 1941 — тысячи депортированных. А в ночь с 5 на 6 июля 1941 — перед тем, как Тарту был оставлен немцам, — пальба в городской тюрьме, и наутро в центре ничейного города, перед глазами пришедших в здание тюрьмы — свалка одежды и обуви, гряда паспортов на полу. Колодец во дворе набит мертвыми телами. Вечером начался обстрел с советской стороны (Эмайыги, протекающая через Тарту, на две недели стала линией фронта): снаряды летели к тюрьме — так начались в городе военные действия Великой Отечественной войны.

Опыт был убедителен, и теперь поезда мчали беглецов в Германию, транспортные и рыбацкие суденышки везли их из Хаапсалу в Швецию, из Таллина в Финляндию⁶³.

Перед падением Тарту у памятника Густаву Адольфу⁶⁴ Суйтс встретился с одним своим учеником (из тех, которые пока продолжали верить, что они сами будут строить социалистическую Эстонию):

— Дорогой учитель, оставайтесь. Нам трудно будет без Вас...

— Да, — ответил Суйтс, — трудно расставаться с родной. Я остался бы, но я не хочу помереть в Сибири.

Эмигрировали все члены бывшей Эстонской Академии наук, за исключением тех, кто успел умереть, и депортированного в Россию Когермана⁶⁵.

Жив Эрнст Эпик. В 1944 уехал и он, и его брат — ведущий геолог и палеонтолог Армин Эпик. Остаться им было губельно: третий из братьев занимал видный пост в коллаборантском правительстве Х.Мяэ.

Э.Эпик был сначала лектором в Гамбурге, в университете прибалтийских беженцев, а с 1946 работает в Северной Ирландии (обсерватория Арма). Пригласил его Э.Линдсей, директор обсерватории, выступавший когда-то в Гарварде в роли ученика Эпики. С 1950 Эпик издает «Ирландский астрономический журнал». В Ирландии начался новый подъем научной деятельности Эпики, и многие его работы (о звездных системах, о Вселенной в целом, предсказание кратеров на Марсе

и верно предвычисленная их плотность) получили мировую известность. Академия наук США присудила Эпику медаль Л. Смита за выдающиеся достижения в области метеоров (1959). Он награжден и Золотой медалью Лондонского Королевского общества.

Начиная с 1956, Эпик ежегодно покидает на время Ирландию и один-два семестра работает в качестве приглашенного профессора в университете Мэриленд. Вместе с этим университетом Эпик участвует в космической программе США. Он входил в советы ученых, составлявших первые американские космические программы.

Эпик выступает по «Голосу Америки» в передачах для Эстонии. В астрономической периодике встречаются страницы воспоминаний о советском опыте его жизни. Но служба идеологической безопасности бдит, и вырезанные страницы, а то и журналы целиком отправляются в спецхраны⁶⁶.

В 1944 далеко от Таллина и Тарту начали подготовку к открытию АН ЭССР⁶⁷. После согласований с АН СССР и высшего разрешения она открылась в 1946, причем вначале большая часть ее ученых сил располагалась в Тарту. Из старой, «буржуазной» Академии в нее попал один Когерман⁶⁸. В первые годы в ней появилось немало лиц, приглашенных из России.

Первым президентом АН ЭССР стал Ханс Круус — «хитрый Ганс»: богач, выправивший себе социальное положение, руководивший при Пятсе подготовкой празднества в честь Пятса, а в Советской Эстонии — обладатель высоких постов с 1940 по 1950.

Правда, кампания против буржуазных националистов, пропавшая братские республики в 1949 — 51⁶⁹, не обошла и его: Крууса арестовали в Москве. Имущество академика было конфисковано, но звание с него забыли снять, — и по возвращении ему было выплачено все причитавшееся жалованье. Время его возвращения было такое, что Круус даже затеял процесс против эстонского КГБ, требуя вернуть ему мебель и библиотеку — и кое-что, действительно, получил⁷⁰.

В президентском кресле Крууса сменил лысенковец Эйхфельд, затем Веймер⁷¹. И все вошло в обычные советские берега.

Но эстонская культура устояла⁷².

* * *

Хотим удержаться от соблазнов.

Разнообразие конкретных судеб национальных академий в СССР и «генеральные линии» их развития и мучений — слишком серьезная тема, чтобы пытаться сформулировать обобщения на небольшом материале.

Естественный путь зарождения, становления и развития высших научных учреждений каждой нации и нарушения этого естественного хода событий требуют гораздо более основательного изучения.

Благодарим тех, кто помог собрать информацию для этой начальной работы над темой.

Спасибо всем, кто, по тем или иным причинам оставаясь вписанным в существующий у нас режим, был, тем не менее, готов поделиться запретными сведениями.

С благодарностью и надеждой авторы вспоминают доброжелательное отношение к их работе украинцев, белорусов, грузин, эстонцев. Почувствовать на себе это отношение — было высшей радостью.

Примечания

¹ Комиссия по выработке законопроекта об основании УАН в Киеве была организована Н. П. Василенко и работала под председательством Вернадского с 9.7.18 по 17.9.18. Воспоминания Вернадского об УАН, написанные к ее 25-летию, — в «Annals» Вольной Укр. Академии в Нью-Йорке, кн. XI, 1968. Информация о работе Комиссии — «Наше минуле», 1918, №2, с. 184 — 187.

Из первых 12 академиков УАН в настоящее время игнорируется членство четверых — В. А. Косинского, С. Смаль-Стоцкого, Ф. В. Тарановского, М. И. Туган-Барановского. Из следующего пополнения УАН «потерялся» Б. А. Кистяковский. Скрывается, что в 1922 в последние месяцы своей жизни президентом Академии был О. И. Левицкий.

² Из речи Вернадского при открытии Комиссии 9.7.18 — «ЗБІРНИК ПРАЦЬ КОМІСІЇ ДЛЯ ВИРОБЛЕННЯ ЗАКОНОПРОЕКТУ ПРО ЗАСНУВАННЯ УКРАЇНСЬКОЇ АКАДЕМІЇ НАУК У КИЇВІ. К., 1919, с. 8.

К отстаиванию этого принципа укр. ученых толкала не только политическая неустойчивость на Украине. Внутреннее развитие самой науки подводило к новой постановке вопроса об управлении наукой. Члены Комиссии, естественно, не говорили о системном подходе к науке в целом, но поиски их шли именно в этом направлении.

Из непредсказуемости крупнейших открытий иногда выводится тезис о принципиальной неуправляемости здоровой и развивающейся науки (Поповский М. А. *УПРАВЛЯЕМАЯ НАУКА*. London, 1978, с. 288). Понятная в полемике, критика «управляемой науки» как таковой представляется, однако, неоправданной. Все дело в том, как она управляется. Как всякая относительно обособленная система, наука нуждается прежде всего в механизмах самоуправления, саморегуляции. Как система открытая в своем развитии, она должна обладать структурной гибкостью и возможностями перестройки. К этому идеалу и стремилась УАН: финансироваться из гос. бюджета, но быть полностью автономной. Предполагалось, что автономная УАН сможет сама совершенствовать свою структуру (так, намечалось переорганизовать со временем часть кафедр Историко-филологического отдела в Класс славянства и исторически связанных с ним народов).

³ Вернадский в ноябре 1917 уехал от эпицентра революции на Полтавщину. Василенко, пригласивший его в мае 1918 в Киев для организации УАН, был близок с ним с 1917, когда они оба состояли товарищами министра просвещения во Временном пр-ве (Пг.). В Киеве Вернадский оказался, по собственной оценке, единственным человеком, практически знакомым с работой АН.

Вернадский с детства считал себя украинцем: украинкой была его мать; на Украине, в т. ч. в Запорожской Сечи, жили предки его по отцовской линии; в Харькове началось его гимназическое образование; укр. литературой и историей Вернадский-юноша самостоятельно занимался в Петербурге (он и польский-то в свое время выучил только для того, чтоб читать об Украине).

Тем не менее, среди укр. ученых имя Вернадского поначалу не вызывало доверия. Он приехал из России, в нац. движении не участвовал, укр. гражданства не захотел принимать — отсюда подозрения относительно намерений как Вернадского, так и самого пана министра. Многие опасались, что УАН возникнет как филиал РАН, что работать в ней позовут академиков из Петрограда. Практическая деятельность Вернадского рассеяла эти опасения.

Вернадский руководил Академией до ноября 1919, когда он уехал в Ростов за деньгами для УАН и не смог вернуться в Киев. После него во главе УАН стояли Д. И. Багалей и О. И. Левицкий.

⁴ Программа создания и работы ОСН кажется социальной утопией, хоть и одобрена в 1918 ведущими учеными Украины. Но есть некая закономерность в том, что время от времени ученые, включая естествовников (Вернадский, Сахаров), обращаются к созданию «утопий»: будущее еще и еще раз стучится в дверь, пока беспартийная наука не займет предназначенное для нее место в обществе.

⁵ В 1918, в условиях раскромсанного общества и невозможности потерь, концентрация научных сил, доведенная до полного их объединения под эгидой одного главного учреждения, казалась абсолютной необходимостью. Иначе, казалось, не спасти ученых, вымиравших в одиночку, не включить их в решение неотложных и грандиозных задач, вставших перед нацией. Мечталось (на Украине, может быть, с особой силой): надпартийная единая наука воссоединит расколотившую нацию, укажет все пути, разрешит все проблемы; не смогут политики не прислушаться к голосу научной общественности.

⁶ ОСН больше других Отделов УАН страдал от незанятости кафедр (на вакантные места академиком годами не находилось соответствующих по квалификации ученых) и от нехватки штатных работников. Лишние средства, прекратили свою деятельность Ин-т экономической конъюнктуры, Комиссия социального движения, Бюджетная комиссия.

Судьба первых четырех академиков ОСН: Косинский уехал в Рус. нар. ун-т (Прага), Тарановский — в Белградский ун-т (стал членом Сербской АН), в январе 1919 под Одессой (на пути в Париж, куда он выехал с делегацией Директории) умер Туган-Барановский, Левицкий в 1922 кинулся спасать гниющие архивы, в Луцкой губ. подхватил тиф — и там же скончался (года через четыре был объявлен бурж. националистом, так что даже сыну его, К. О. Левицкому, пришлось, спасаясь от ареста, на время бежать из Киева).

⁷ Авторам известны след. судьбы академиков и членкоров Укр. Академии. Арестованы и погибли: генетик И. И. Агол, ботаник и генетик Н. И. Вавилов, философ П. И. Демчук, правовед О. П. Дзенис, историк С. А. Ефремов (снят с вице-президентства в 1928, арестован в 1929, осужден в 1930, погиб в 1937), химик и партдеятель В. П. Затонский, математик М. Ф. Кравчук, востоковед и славист А. Е. Крымский (непременный секретарь Академии в 1918—28, в сентябре 1941 взят в Киеве и вскоре скончался в лагере под Кокчетавом), специалист по еврейской литературе М. И. Литваков, гидролог Е. В. Оплоков, микробиолог И. Е. Ручко, геолог Н. И. Свистальский, философ С. Ю. Семковский (Бронштейн), еврейский филолог Э. Г. Спивак, физикохимик В. С. Финкельштейн, экономист и партдеятель А. Г. Шлихтер, искусствовед Ф. И. Шмит, философ В. А. Юринец, историк М. И. Яворский, ботаник А. А. Яната.

Сидели, но вышли А. И. Лейпунский, А. А. Сапегин.

Арестовывался В. И. Вернадский.

Н. П. Василенко, занявший в 1920 кафедру истории укр. права, осужден в 1924 по делу «Киевского областного центра действия», потом амнистирован. Из ВУАН исключен. Дату его смерти дают крайне неопределенно: 1935 год.

М. С. Грушевский переведен в Москву. Почти сразу после смерти — обвинение в контрреволюционном национализме и запрет его книг.

Исключены из состава Академии и не восстановлены: филолог А. И. Дегтяр (укр. Діхтяр), историк В. М. Игнатовский, геодезист А. А. Малиновский (Васильев-Малиновский), историк права И. А. Малиновский, византинист Ф. И. Ми-

шенко, зоолог Е.Л.Рекало, географ С.Л.Рудницкий, историк М.Е.Слабченко, математик Н.А.Столяров, историки К.В.Харлампович и В.И.Щербина. Кого из них забрали — не знаем.

До 1933 работал в АН СССР, потом сослан в Саратов В.Н.Перетц (академик в Петербурге с 1914, в Киеве с 1919).

Из-за своего «пятого пункта» испытал непреодолимые трудности в подборе учеников математик М.Г.Крейн.

Ботаник А.С.Лазаренко за занятия генетикой и экспериментальную проверку лысенковских догм изгнан из Львовского ун-та (1959).

⁸ В январе — феврале 1918 на б. Румынском фронте, с согласия Совета министров Молдавской Республики, развернулось формирование наиболее крупных белорусских войсковых частей. Однако затем эти части общей численностью св. 100 тыс. чел. вынуждены были отступить на румынскую территорию и разоружиться.

⁹ Пр-во БНР (Нар. секретариат, Временный совет пяти, с ноября 1918 — Совет нар. министров) было подотчетно Раде БНР. В разное время руководящие органы БНР находились в Минске, Вильно, Гродно, Ковно, Праге.

Последний выбранный пленумом Рады БНР СНМ окончил свою деятельность 20.4.23; перед этим (15.3.23) Лига Наций постановила передать Польше власть над занятыми ею бел. землями к западу от линии Керзона. В том же 1923 в Каунасе пред. Рады БНР П.Кречевский образовал пр-во А.И.Цвикевича (незаконное, по мнению части ведущих деятелей БНР). 15.10.25 Цвикевич и три других члена его правительства объявили в Берлине о самороспуске СНМ БНР, после чего Цвикевич уехал в Минск. Акт самоликвидации БНР не был признан многими официальными лицами БНР, начиная с Кречевского, и в 1926 в Праге продолжал выходить *БЮЛЕТЭНЬ РАДЫ БЕЛАРУСКОЙ НАРОДНОЙ РЭСПУБЛІКІ*.

Из ранней литературы см.: Цвикевич А. *КРАТКИЙ ОЧЕРК ВОЗНИКНОВЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ*. Киев, 1918; Довнар-Запольский М. В. *АСНОВЫ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ БЕЛАРУСІ*. Гродзень, 1919; Канчер Е.С. *БЕЛОРУССКИЙ ВОПРОС*. Пг., 1919; Турук Ф. *БЕЛОРУССКОЕ ДВИЖЕНИЕ*. Мн., 1921; Игнатоўскі Ў. *КАРАТКІ НАРЫС НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНАГА АДРАДЖЭННЯ БЕЛАРУСІ*. Мн., 1921.

¹⁰ Имеем в виду этнографическую Белоруссию (ЭБ), т.е. те земли, на которых основная часть населения не только пользовалась белорусским языком как родным (такие области простирались еще дальше вглубь России), но и осознавала себя белорусами. На северо-западе, севере и особенно на востоке (Смоленщина) ЭБ выходила за рамки современной БССР, в то же время не включая в себя ее крайний юго-запад. Границы ЭБ установлены в конце XIX — начале XX в. трудами Довнар-Запольского и Смолыча и признавались советской наукой. В состав ЭБ обычно также включались область компактного расселения белорусов в Латгалии и многонациональный Вильно.

Приведенные цифры населения сильно округлены и не учитывают миграций военных лет. С 1915 много беженцев устремилось на восток, однако подавляющая часть их позже вернулась. Число репатриированных в Польшу белорусов не поддается точному определению (многие записывали себе другую национальность); по некоторым данным, их было около 1 млн. чел.

¹¹ В 1921 БССР включала 46 тыс. км² и 1,5 млн. чел. После создания СССР подверглась укрупнению в марте 1924 и декабре 1926, в результате чего второе увеличила свою территорию и население. Тем не менее, в пределах

Брянской, Смоленской и Псковской губерний осталась часть ЭБ с населением св. 3,5 млн. чел. (примерно столько же, сколько на белорусских территориях, отошедших к Польше).

¹² Цит. по: Жылуновіч Зьм. *НАЦЫЯНАЛ-ДЭМОКРАТЫ ЗА «ПРАЦАЙ» (1920—1928 гг.)* — «Савецкая краіна», 1930, № 1—2 (11—12), с. 27.

¹³ В БГУ были профессорами ученые, вошедшие потом в первый состав АН БССР: В. И. Пичета, В. М. Игнатовский, А. Д. Дубах, И. И. Замотин, А. Н. Ясинский, Н. Н. Дурново, С. Я. Вольфсон. И. Ю. Лёсик и некоторые другие видные деятели «бел. возрождения» преподавали в БГУ, но в состав профессуры не входили.

Многочисленные попытки белорусизации БГУ давали скромные результаты, хотя процент студентов-белорусов год от году увеличивался. До 1925 правление БГУ не ставило перед небелорусами вопроса о переходе на белорусский язык преподавания (в 1925 сроки этого перехода были определены только для молодых работников БГУ). Белорусизация замедлялась не только из-за сопротивления уже работавших в БГУ преподавателей, но и из-за необходимости постоянно приглашать новых людей, не имевших ничего общего с Белоруссией: так, для преподавания политэкономии и истмата запрашивались выпускники ИКП.

¹⁴ Данные переписи 1926 по Белоруссии подтверждают несовместимость намерений белорусизации БГУ и требований его пролетаризации:

	% от всего населения БССР	
	по нац. принадлежности	по языку
белорусы	80,6	67,2
великорусы	7,7	23,4
евреи	8,2	7,4
поляки	2,0	0,8
	% белорусов	% говорящих по-белорусски
в сельской местности	88,7	76,6
в городах	39,2	19,7

Евреи составляли 40% городского населения БССР и 41,8% всех организованных в профсоюзы рабочих республики.

¹⁵ Цит. по: Нікольскі М. М. *УСТАНОЎКІ І МЭТАДЫ БЕЛАРУСКАЙ НАЦДЭМАЎСКАЙ ЭТНАГРАФІІ*. Менск, 1933, с. 5. — Автор ссылается на: «Белорусский сборник», т. XIII, 1920, рукопись, с. 9—10 (7—8), архив секции этнографии АН СССР, № 430.

Е. Р. Романов (1855—1922) в октябре 1917 переехал в Ставрополь, остался в стороне от революционных событий. Умер незадолго до предполагавшегося возвращения в Минск.

¹⁶ «Наша ніва» использовала сначала обе графики, а затем перешла полностью на кириллицу. Латиницей печаталась газета «Номан» (1916—18, Вильно, первый ред. — Ластовский) и газеты Зап. Белоруссии. Новые варианты бел. письменности на латинской основе предлагались и в Минске (1926, конферен-

ция по реформе правописания). По убеждению М. И. Горецкого, латиница в БССР была необходима тем, кто говорил по-белорусски, но считал себя поляком.

¹⁷ Шпилевский И. Ф., Бобрович Л. А. *БЕЛОРУССКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК НА ПОРОГЕ ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ*. (Исторический очерк). Мн., 1933, с. 19.

¹⁸ «Сав. краіна», 1931, №3, с. 28.

Из других обвинений против Лазовского как руководителя БГМ: не принял в Музей образцы продукции минской промышленности, отправил какие-то экспонаты на экспертизу не в Москву, а в Краков.

Использовали и непривившиеся примеры из словаря Лазовского (1924): безхатнік (пролетарий), пустаслоўства (диалектика), грамадзейства (коммунизм), пашыршчык (пропагандист)...

¹⁹ Васильков Иосиф Георгиевич (Юрьевич) (1879 — 1942) — проф., зав. кафедрой ботаники Бел. с.-х. академии. Организовал в Горках (БССР) лучший в республике ботанический сад. Теоретик-цитолог, автор работ по флоре Белоруссии и др.

Судьба Василькова нам неизвестна, но из списков АН БССР он исключен.

²⁰ В феврале против Пичеты выступили два доцента БГУ — Славин и Гольман: один на съезде научных работников, другой в главной русскоязычной газете Минска. Обвинили своего ректора в бел. национал-демократизме и в антимосковской ориентации. Пытались сыграть на недовольстве части преподавателей недавним заявлением Пичеты, что тем из них, кто откажется перейти на бел. язык, придется покинуть БГУ. Использовали слух о сетованиях Пичеты на исключение истории Польши и славянства из программы БГУ.

На съезде ученых за Пичету неожиданно вступились чиновные товарищи. Выступил и сам Пичета, заявив, что всегда трудился и готов трудиться под руководством ком. партии и сов. пр-ва:

— Если мне скажут: «Пичета, иди преподавать в сельскую семилетку», — так я пойду и там буду вести работу на благо социалистического строительства.

Отбивался Пичета приемами своих недоброжелателей: по его словам, Славин был сионистом, буддистом, а теперь он коммунист с еврейским шовинистическим уклоном, Гольман же был левым эсером, троцкистом и исключался из партии (см. «Рабочий», 9.2.29, «Сав. Беларусь», 19.2.29 и 1.3.29).

²¹ Названия статей (без над- и подзаголовков): *ТЕНИ ПРОШЛОГО* (8 авг.), *ПРИЗРАК СТОЛЫПИНА В СТЕНАХ НАРКОМЗЕМА* (10 авг.), *ЛЮБИМАЯ МОЗОЛЬ НАЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТОВ* (14 авг.), *С КАМНЕМ ЗА ПАЗУХОЙ* (17 авг.), *ПОД ПРИКРЫТИЕМ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ* (23 авг.). Статьи подписаны инициалами А. И.

²² «Комс. правда», 23.8.29. Подчеркнуто в газете.

²³ Выражения взяты из № от 17.8.29.

²⁴ А. И. *КУЛАЦКАЯ ПОЛИТИКА ПОД СОВЕТСКИМ ФЛАГОМ. ТАЙНОЕ СТАЛО ЯВНЫМ*. — «Комс. правда», 3.9.29. Подчеркнуто в газете.

²⁵ В 1929 Дурново был исключен и из членкоров АН СССР, где состоял с 1924. Опубликованный список его трудов обрывается 1933. Арестован не позднее 1936, погиб 27.10.37.

²⁶ «Собр. законов и распоряжений рабоче-крестьянского пр-ва Бел. Соц. Сов. Республики», 1930, №38, п.314.

²⁷ «Сав. Беларусь», 30.9 и 20.10.30.

²⁸ «Сав. країна», 1931, №3, с.35—36.

²⁹ Там же, с.28.

А.Н.Лявданский стал ученым секретарем НИИ истории АН БССР, затем — зав. секцией археологии там же. Арестован в мае 1937, умер в ссылке в 1942.

Н.Н.Щекотихин (1896—1940) — бел. искусствовед. С 1923 преподавал в БГУ. Работал в ИБК — АН БССР (1925—30). Арестован в 1931.

³¹ Там же, с.61—62. Автор этой «критики», И.Матюкевич, стал одним из ведущих работников Ин-та языковедения АН БССР.

³² Хотя согласно данным переписей численность белорусов после войны увеличивается — их все еще меньше, чем было в начале века. При этом особенно быстро растет число тех, кто лишь метрикой или паспортом «самоопределен» как белорус.

Процессы ассимиляции были очевидны и во времена ИБК: перепись 1926 показала, как много белорусов, особенно в городах, перешло на русский язык общения (см. прим.14). На территории же Западной области (РСФСР) в 1926 белорусами себя признали только 78 тыс. чел. — в несколько раз меньше, чем было их там по данным диалектологических и этнографических исследований. Национально-культурное движение, связанное с ИБК, лишь в пределах БССР в какой-то мере могло противостоять этим тенденциям.

В 30—40-е гг. репрессиями и войной были обескровлены и тонкий слой белорусской интеллигенции в городах и белорусская деревня. Приток сельского населения в города и русская миграция в Белоруссию укрепили после войны роль городов как очагов ассимиляции.

В 30-е гг. еврейские, польские, литовские школы и техникумы в Белоруссии закрывались из-за нехватки учеников: родители расценили эти школы как тупиковые и стали учить детей в русских учебных заведениях. Теперь аналогичный процесс захватил белорусов. В русских же школах белорусский язык по существу стал факультативным предметом (достаточно написать заявление-просьбу — и можно не ходить на «белочку»), его иногда изучают лишь несколько человек из целого класса.

Прежние районы компактной белорусской колонизации, где в 20-е гг. еще хорошо сохранялись бел. язык и культура (такие районы были в Зап. Сибири, Красноярском крае, Зап. Предкавказье), — растворились в русском окружении.

После войны из Белоруссии наметились новые миграционные потоки: лесорубы в Карелию и Коми, целинники в Казахстан, молодежь на «великие стройки». Там, за пределами БССР, белорусы часто воспринимаются (и действительно выступают) в роли русских. Ассимилируясь, они служат посредниками в деле расширения «прочно великорусских» территорий, наползающих на нац. окраины.

³³ *АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛОРУССКОЙ ССР*. Мн., Глав. редакция Бел. Сов. Энциклопедии, 1979, с.27.

³⁴ Из первых бел. академиков волной 1937—38 были накрыты: И.А.Петрович, Я.Н.Афанасьев, С.Я.Вольфсон, Б.А.Тарашкевич (погибли в разное время, но не

позже осени 1941), С.Ю. Матулайтис (отправлен в Казахстан, в 1945 возвращен в Литву).

Из пополнения 1931 в заключении выжили Е. И. Ривлин и В. А. Сербента, погибли Ц. Л. Бурстин, П. О. Горин, П. Я. Панкевич, А. М. Платун, В. К. Шербаков. Сгинул и следующий за Гориным президент — И. З. Сурта.

Репрессированы также следующие члены АН БССР: историк С. Х. Агурский, поэт А. И. Александрович (взят до войны, вернулся с туберкулезом, в 1948 попал в заключение вторично), литературовед Я. А. Бронштейн (расстрелян 2.5.38), терапевт Ф. О. Гаусман (арестован, видимо, как немец в 1941 и умер в 1944), медик Н. И. Гращенко (сидел около 1950—51), польский аграрник Т. Ф. Домбаль (схвачен в 1937, погиб), ботаник и лесовед С. П. Мельник (схвачен в 1937, погиб), историк С. А. Пионтковский (расстрелян в 1937, в юбилейном списке членкором отсутствует), поэт И. Д. Харик (в лагерной бане бросился в котел с кипятком), химики-технологи В. В. Шкателов и Б. М. Шпенцер, а также укр. академики — члены АН БССР: Затонский и Шлихтер, плюс застрелившийся перед верной гибелью Скрыпник.

Физиолог растений М. Н. Гончарик сидел до своего избрания в БелАН.

Прибавим сюда и судьбу А. Р. Жебрака, возглавлявшего АН БССР рекордно короткий срок: с 12.5 по 17.10.47.

После «михуринской сессии» ВАСХНИЛ Жебрак был снят с кафедры генетики и цитологии в Тимирязевской академии, а затем его попытались арестовать в Москве. Когда за ним приехали, Жебрак в ответ на предъявление ордера на арест достал удостоверение депутата Верховного Совета БССР: лицо, по его мнению, неприкосновенное. Приехавшие не ожидали такой реакции, сели в машину и укатили. Попытка ареста не повторилась, а было это в 1948. Но следствием этой встречи был первый инфаркт.

В середине 60-х гг. Жебраку показалось: времена переменялись настолько, что он может реабилитироваться как ученый. Желая вернуться в Тимирязевку, подал документы на кафедру генетики — и был провален при голосовании. Последовал второй инфаркт со смертельным исходом.

³⁵ *НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ ГРУЗИН*. Публикация и комментарий И. Мегрелидзе. — В кн.: *ЗА МАРКСИСТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ*. Юбилейный сборник, посвященный сорокапятой научной деятельности академика Н. Я. Марра. Тифлис, Изд-во Гос. ун-та, 1934 (на груз. яз.), с. 328 — 333.

³⁶ Дело в том, что в Грузии тогда не было ни одного высшего учебного заведения: первым стали Тифлиские высшие женские курсы (1908). По мысли Марра, Академия должна была взять на себя ту задачу, которую мог бы решить и ун-т, существуй он в Грузии.

³⁷ У нас нет прямых данных о том, как был оставлен этот план. Видимо, после рев. событий наступили спад, отрезвление, отбор надежд по признаку реальности — и марровская программа создания Академии этого отбора не выдержала.

Еще в 1871 начались хлопоты о создании ун-та в Тбилиси, но из-за сопротивления петербургских властей дело затянулось. Идея создания Академии при ее зарождении могла восприниматься как альтернатива плану организации ун-та. Однако в 1906 завершилось наконец строительство университетского здания. Переформировался круг организаторов ун-та (с 1907 подготовку возглавил И. А. Джавахишвили). Культурная и научная элита Грузии, видимо, отдала предпочтение ун-ту как главному организующему центру груз. науки и культуры. Большая массовость и очевидная общенациональная значимость ун-та уже дали ему приток общественных средств. Подготовка научной молодежи в ун-те —

это был путь проверенный, программа же Марра была связана с проблематичными организационными поисками.

³⁸ При меньшевиках в Грузии открылись грузинские ун-т, консерватория, Академия художеств. Лицо ун-та определилось в 1917 (в ноябре уже собрался профессорский совет), открытие состоялось 8.2.18 (н.ст.). Вслед за философским факультетом открыт медицинский, а осенью — естественно-математический. Созданный на добровольные пожертвования, ун-т объявлен государственным (ТГУ) 3.9.18.

³⁹ 15.3.18 профессорский совет единогласно избрал своим почетным членом русского академика Н.П. Кондакова. С 1918 профессором был ботаник С.Г. Навашин, в том же году ставший академиком РАН. С первых лет в ТГУ работали историк М.А. Полиевктов, невропатолог и психиатр И.А. Анфимов, патофизиолог В.В. Воронин.

⁴⁰ Письмо 365-ти деятелей груз. культуры (1980) содержит протест против необходимости писать диссертации на рус. языке для прохождения их через Высшую аттестационную комиссию (ВАК) в Москве. Как мы видим, требования ВАКа отбрасывают груз. ученых к тому положению, в котором они находились свыше полувека назад.

⁴¹ В 1921 — 22 в ТГУ открыты агрономический, политехнический и социально-экономический факультеты. Философский и естественно-математический слились в один — педагогический фак-т.

⁴² Расчленение ТГУ заключалось в том, что фак-ты его стали отдельными ин-тами: Сельскохозяйственным (1929), Медицинским (1930), Педагогическим (он остался в 1930 как бы главным преемником ТГУ), а социально-экономический фак-т разделили (в том же 1930) на Финансово-кооперативный ин-т и Ин-т советского строительства и права. Еще раньше агрономические фак-ты ТГУ и Политехнического выделили из себя Ин-т субтропических культур (1928).

⁴³ «Заря Востока», 18.9.1930.

⁴⁴ П.А. Шария (1902—1979), недавно приехавший из Москвы, быстро выдвинулся и стал секретарем Тбилкома КП(б)Г по идеологии. Введен в АН ССРГ как философ. Некоторых членов Академии (напр., Узнадзе, оказавшегося в одной с ним секции) рассматривал как идеологических противников. Лично доложил в правительство о необходимости ликвидировать АН ССРГ.

Закрытой Академии был противопоставлен созданный в 1931 в Тбилиси, но недолго просуществовавший Ин-т марксизма-ленинизма Грузии (ИМЛГ). Задачей ИМЛГ была «марксистская консолидация» ученых, включая и естественников. Фактическим хозяином ИМЛГ первое время был Шария, занимавший должность зам. директора (при директоре Ф. Махарадзе).

⁴⁵ Из выступления В.П. Волгина на заседании Отделения гуманитарных наук АН СССР 4.10.31. — *ОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ НАУКИ В 1926 — 1932 гг.* Сб. документов. Л., 1974, с. 182.

⁴⁶ В июне 1931 АН СССР решила превратить Закавказский историко-археологич. ин-т (существовал в Тбилиси с 1917, сначала как исследовательский ин-т РАН, организован Марром) в комплексное научное учреждение, получившее название Ин-т кавказоведения, а с 1932 — Закавказский филиал АН. Руково-

дирителем ЗакФАНа стал Марр. В 1933 в ЗакФАНе сформировались Азербайджанское и Грузинское отделения, ставшие самостоятельными филиалами в 1935. «Филиальной стадии» избежали академии наук Прибалтики.

⁴⁷ В 30-е гг. подверглись репрессиям примерно двадцать бывших членов АН ССРГ. Погибли:

Р. М. Агамалиян (в 1937 — возможно, в Азербайджане).

И. А. Вашакмадзе (при аресте в 1937 был ректором Политехнического ин-та).

К. Г. Горделадзе. Взят в августе 1936, расстрелян по приговору от 25.6.37. Перед арестом — руководитель ГрузФАНа. После ареста его жены квартира Горделадзе разграблена работниками НКВД. Рукопись его книги об И. Чавчавадзе, которую Горделадзе успел закончить незадолго до ареста, исчезла.

Г. С. Девдариани (взят в 1937, расстрелян в 1938?).

Д. Г. Долидзе. Был директором Кутаисского пед. ин-та. В первых числах июня 1937 выступал с отчетом о своей работе, секретарем райкома обвинен в том, что не сказал об ошибках Филиппа Махарадзе (на дочери которого был женат). Тут же арестован. Расстрелян не позже ноября.

А. И. Дудучава (1937).

Г. А. Мгалоблишвили (в 1937; его жена, отсидев свой срок, повесилась, вернувшись в Тбилиси).

К. Ш. Орагвелидзе. С 1935 — ректор ТГУ. Последней работой его могут считать редактирование Русско-грузинского словаря (Тб., 1937), однако на самом деле именем Орагвелидзе заменили имя только что расстрелянного Торшелидзе. Арестован 1.9.37, осужден Тройкой НКВД Грузии 9.11.37. Расстрелян. Жена разделила его судьбу.

М. Д. Орахелашвили. Удаленный из Тбилиси в Москву, он с декабря 1932 был зам. директора ИМЭЛ при ЦК ВКП(б). Согласно одному сообщению, готовил вместе с И. П. Товстухой (тоже зам. дир. ИМЭЛ в 1931—35) материалы к докладу и речам Сталина. В 1937 исключен из партии и выслан в Астрахань, взят там в июле 1937. В конце августа привезен в Тбилиси, где приговорен к расстрелу Тройкой НКВД Грузии. Убит 11 декабря. Официальное сообщение в «Правде» (20.12.37) гласит об исполнении приговора Военной коллегии Верховного суда.

М. П. Орахелашвили. В последние свои годы работала в Москве начальником Управления высшей школы Наркомпроса РСФСР (у А. Бубнова). Изничтожала педологию. Взята 20.7.37, привезена в Тбилиси одновременно со своим мужем. По официальным данным, осуждена Военной коллегией Верховного суда. Расстреляна приблизительно в январе 1938. Она переписывалась с Горьким, Крупской, А. Жидом, А. Барбюсом и т. д. — все пропало до последней бумажки. В ноябре 1937 взяли дочь М. Д. и М. П. Орахелашвили, а через некоторое время выслали и подросших внуков.

С. Г. Пирумов (в 1937; арестована и расстреляна также его жена).

М. Г. Торшелидзе. Летом 1936, за 3—4 месяца до ареста, поставлен во главе грузинского Наркомпроса. Взят в октябре 1936, изуродован на допросах, расстрелян 10.7.37. Жена надолго попала в лагеря, два сына погибли в 1938.

В. А. Чичинадзе арестован утром 9.5.37 — в день своего 50-летия. С 1934 он работал в Москве, руководил Гидроэнергопроектом, был профессором Инженерно-строительного ин-та, экспертом Госплана по каналу Москва—Волга, Рыбинскому и Угличскому гидроузлам и т. д.

Т. Г. Жгенти 24.5.37 застрелился сам, оставив письмо к Берия: «Имейте мужество из-за меня не трогать мою семью». Сына его все-таки расстреляли, забрали жену со старшей дочерью.

Ш. И. Нуцубидзе был посажен в 1938 как «немецкий шпион». В тюрьме перевел «Витязя в тигровой шкуре», и это, видимо, помогло ему выбраться.

За него ходатайствовал С.Кавтарадзе. Выпущен Нуцубидзе по личному распоряжению Сталина в 1941.

К.С.Кекелидзе, кажется, тоже сидел.

Сулаквелидзе то исключали из большевиков, то принимали обратно. Умер он в мае 1941 деканом биофака ТГУ.

Судьба Амираджиби, Р.Ахундова, Болотникова, экономиста-аграрника С.Н.Тимофеева после роспуска АН ССРГ нам неизвестна.

Шария в годы Большого террора поднялся до высоких постов в КП(б)Г. Сидел в 1952—53, остался сталинистом. После падения Берии отбыл 10-летнее заключение, затем работал в Ин-те литературы (Тбилиси).

⁴⁸ Мегрелидзе К.Р. *ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ МЫШЛЕНИЯ*. Тб., 1965 и 1973. Предисловия к разным изданиям дополняют друг друга в части, касающейся судьбы автора.

⁴⁹ Мегрелидзе М. *ДВА СЛОВА ОБ ОТЦЕ*. — «Литературная Грузия», 1980, № 12, с. 197 (в этом номере журнала памяти К.Мегрелидзе посвящен целый раздел).

⁵⁰ Проект реорганизации ун-та в Юрьеве (введение эстонского преподавания параллельно с русским, открытие финно-угорского отделения) был послан еще Временному пр-ву. Потом, под немцами, аналогичная программа была составлена уже на немецком языке. Оба предложения остались погребенными в архивах.

События Освободительной войны (так в Эстонии называют войну за независимость в 1918—20), с одной стороны, открыли возможность нац. обновления науки, с другой — сделали этот процесс крутым и болезненным.

Юрьевский ун-т в значительной своей части не вернулся из эвакуации, положив основание ун-ту в Воронеже. РСФСР, вопреки условиям Тартуского мира, удержала множество книг и оборудование ун-та.

Из рус. профессуры в ТУ остались несколько правоведов да один математик. В 1921 вернулся из Петрограда экономист проф. М.А.Курчинский, но это, кажется, последний факт такого рода. Проф. И.Л.Кондаков, известный работами по синтезу каучука, хотя и жил до конца дней своих (1931) в Эльве, но систематические курсы ездил читать не в ТУ, а в Пражский.

Немецкая профессура, в основном, осталась. Однако в 1919 на кафедре астрономии опытный и энергичный Шёнберг был заменен начинающим Ротсмяэ. Замена объяснялась тем, что в 1918, при немцах, Шёнберг был одним из тех, кто на месте увезенного в Россию ун-та взялся организовать немецкий *Landesuniversität*.

⁵¹ Аграрная реформа 1919, спасшая существование независимой Эстонии в критические дни наступления красных армий, сделала это за счет крупных землевладельцев, среди которых преобладали балтийские немцы. В 1925 был принят закон о самоуправлении нац. меньшинств. Воспользовавшись им, немцы создавали свои собственные научные и учебные центры (в Тарту — Ин-т научного краеведения, Частная богословская и философская академия Лютера), но они даже отдаленно не могли сравниться по своим возможностям с ТУ.

⁵² Время от времени (напр., в 1931) вопрос всплывал для обсуждения — и снова откладывался в долгий ящик. Договориться, среди прочего, мешали чрезмерная многопартийность первых лет и взаимное противостояние таллинского (чиновничьего) и тартуского (интеллигентского) духа.

⁵³ Talfelt M. "KATUSORGANISATSIOONIDE" VARJUS. — "Horisont" (Tallinn), 1971, № 4, lk. 22 — 26.

⁵⁴ После прихода к власти К.Пятса распушены все политические партии, и их место занял Изамаалит (Отечественный союз).

Подъем нац. начала в жизни страны был отчасти организован сверху. Проводилась, например, кампания по эстонизации фамилий (1934), год эстонской книги (1935), кампания по возрождению народного искусства (1936).

В 1937 создано Нац. собрание, принявшее новую конституцию. В 1938 Пятс избран президентом (декрет о создании ЭАН он подписал незадолго до своего избрания).

Весной 1938 (в связи с 20-летием независимости) объявлена широкая политическая амнистия.

⁵⁵ UNIVERSITAS TARTUENSIS. EESTI VABARIIGI TARTU ÜLKOOL JA ÜLIÕPILASKOND SÕNAS JA PILDIS. Koostanud B.Kangro. Lund [1969], lk.100—101.

⁵⁶ Студенческие корпорации и общества были до 1940 важным и своеобразным элементом социальной структуры Эстонии. Их было несколько десятков, и в них входили практически все, кто получил образование в ТУ или других крупных центрах (в Риге существовала эст. корпорация, в Петербурге и Москве — общества эст. студентов). Студент, вступив в выбранное им студенческое объединение, оставался его членом до конца жизни.

Относительная обособленность этих объединений и соперничество между ними соединялись с сильно развитой взаимопомощью внутри них (устройство на работу, денежные отношения). В корпорациях и обществах студенты проходили школу общественной жизни (существовал «студенческий парламент»). Корпорации и общества гордились своими членами, выдвинувшимися в каком-либо отношении, и оказывали им поддержку. Главную роль играли члены, давно вышедшие из студенческого возраста.

Общества возникли позже корпораций (впрочем, нужно иметь в виду, что Общество эстонских студентов существовало с 1883) и стояли в общем на демократических и либеральных позициях. Корпорации были более консервативны. Общества эст. студентов были объединены в союз, и неофициальным, но всеми признанным главой этого союза был живший в Тарту Яан Тьниссон — один из лидеров эст. нац. движения, возглавлявший (также и после роспуска политических партий) оппозицию пр-ву Пятса. Пятс в значительной мере опирался на корпорантов.

Тартуские либерально-демократические круги были недовольны тем, что в ЭАН попали корпоранты: Палдрок (единственный из одной корпорации с Пятсом), Шлоссман и Сепп (эти двое — члены самой большой и влиятельной корпорации «Сакала»), Кахо, Улуотс. Но, с другой стороны, в ЭАН были и ученые из студенческих обществ: Когерман, Лооритс, Пуусепп, Эпик, Кант, Суйтс.

⁵⁷ По легенде, Круус, перебравшись через сов. границу, предложил этот план Сталину (именно ему!). Сталин выслушал и не дал прямого ответа: «А в запасе у нас будет ваш проект». По версии Эрнитса, Суйтс участвовал в этой поездке.

⁵⁸ Вальтер Андерсон (1885—1962) — фольклорист и языковед, проф. ТУ. Уехал в Германию вместе с др. фольксдойче, хотя отец его — эстонец. В 1939 уезжали, воспользовавшись возможностью, не только чистокровные немцы. Главным мотивом было спастись: выбрали не столько между Германией и

Эстонией, сколько между Германией и СССР. С 1945 Андерсон — проф. в Киле, где и умер.

⁵⁹ Ййэвээр М. *ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭРНСТА ЭПИКА*. — «Публикации Тартуской астрофизической обсерватории им. В.Струве», т.37, Тарту, 1969, с.225.

⁶⁰ "Eesti Teaduste Acadeemia aastaraamat. Annales Academiae Scientiarum Estonicae". I. Toimetaja (redacteur) Julius Mark. Tartu, 1940. Кроме научных статей, том содержит материалы об открытии ЭАН, напечатанные параллельно на эстонском и французском.

⁶¹ Харальд (Мартович) Хаберман (р. 1904) — энтомолог. В 1931 окончил ТУ, после этого вращался в левонастроенных кругах Тарту. Коммунист с 1939. Летом 1940 — зам. министра внутренних дел и начальник внутренней охраны в пр-ве Вареса, затем до возвращения из эвакуации — управ. делами СНК ЭССР. Проректор ТУ с конца 1944, членкор АН ЭССР с 1946, директор Ин-та зоологии и ботаники АН ЭССР с 1947, доктор биол. наук с 1950, академик АН ЭССР с 1954. С 1979 на пенсии.

Живет в Тарту, ходит на работу в Дом К.Бэра. Про свой приказ о закрытии «националистической» ЭАН сообщил (январь 1981) с гордостью, прибавив:

- Меня там назвали: «Палач эстонского народа и науки».
- За это?
- И за это тоже.

⁶² «Looming», 1980, №7, К. 1010.

⁶³ Этот поворот событий может быть сопоставлен с тем, что происходило в Литве и, в частности, в Литовской АН.

АН Лит. ССР учреждена 16.1.41; 9.4.41 утверждены 13 ее действ. членов; 18.4.41 президентом избран писатель и фольклорист В.Креве-Мицкявичус, участвовавший в лит. сов. пр-ве 1940.

В первые три месяца нем. оккупации АН продолжала существовать без особых забот. Затем устав и состав ЛитАН были сильно изменены, создано новое так называемое «ядро Академии», а 6.5.42 руководителем АН назначен проф. В.Юргутис. 27.3.43 ЛитАН закрыта (вместе со всеми вузами Литвы).

За время нем. оккупации умерли двое из первых лит. академиков, еще пятеро — кто оказался «пособником оккупантов» (М.Биржишка), кто бежал от советских войск (Креве-Мицкявичус: сначала в Австрию, затем в США). Ко времени восстановления деятельности АН Лит. ССР академиков осталось меньше половины исходного числа, и понадобился новый Оргкомитет (13.2.45), новый устав (14.4.45), новые назначения-«довыборы» (18.1.46).

⁶⁴ Густав II Адольф — шведский король, при котором был основан ТУ (1632). Памятник был открыт в 1928. В послевоенной Сов. Эстонии памятник шведскому королю уничтожен, на его месте осталась круглая клумба позади главного здания университета.

⁶⁵ Через Финляндию Суйтс уехал в Швецию. Пытался что-то издавать, выпустил двухтомник «Истории эстонской литературы», но оторванность от родины дала-таки себя знать. Работал в библиотеке Нобелевского комитета, умер в 1956.

Ю.Марк в 1951 перебрался в США, преподавал там, умер в Вашингтоне (1959).

О.Лооритс был выслан немцами из Тарту, так как в 1940 — 41 активно выступал в печати в защиту сов. власти. Жил в Хаапсалу, откуда и бежал в Швецию. Занимал в эмиграции резко антикоммунистическую позицию, уверял, что Эстония была бы спасена, если б в свое время прислушалась к нему, Лооритсу. Когда-то (в 20-е гг.) ярый враг религии и церкви, он стал баптистским проповедником. Умер в Стокгольме в 1961.

Там же работал и скончался (1969) К.Шлосман.

Ю.Улуотс после того, как в 1940 Пятс отрекся от президентства и был увезен в Уфу, оказался по старой конституции его преемником — премьер-министром в обязанностях президента. Однако он на время отстранился от активной политической деятельности и вернулся к преподаванию в ТУ. При немцах пытался добиться признания Эстонии со стороны германских властей, но из этого ничего не вышло. Перед приходом сов. войск Национальный комитет Эстонии (своего рода парламент с участием оставшихся в стране видных политиков) поручил Улуотсу взять на себя функции главы государства, что он и сделал. В сент. 1944 Улуотс, оставшись и.о. президента, передал обязанности премьера О.Тиифу (члены этого последнего республиканского пр-ва Эстонии частью попали в лапы НКВД, частью успели бежать за границу), а сам отправился в Швецию, рассчитывая провести переговоры с союзниками: он очень надеялся на англичан. Умер в Швеции в январе 1945.

Э.Кант скончался в Швеции совсем недавно, в 1978. Сов. эстонская пропаганда обзывала его предателем и вором, приписывая ему кражу университетских ценностей. На самом деле Кант лично взял принадлежавшие ТУ и утаенные от немцев драгоценные металлы (платина!), оставив расписку секретарю ун-та. В сопровождении двух помощников, одетых в немецкую военную форму, он доставил взятое в Таллин, откуда ценности были переправлены морем и затем переданы официальным лицам Эст. Республики, существующей де-юре по сей день. Сов. требования о возвращении ценностей были отвергнуты, платина хранится в одном из шведских банков.

Х.Кахо умер в эмиграции в 1964.

Х.Каури стал профессором в Норвегии.

⁶⁶ Таковы некоторые тт. журналов «Annual Review of Astronomy and Astrophysics» и «Irish Astronomics Journal».

⁶⁷ Разработка предварительного проекта началась в эвакуации, в Москве, под руководством Крууса, которого называют главным инициатором организации АН ЭССР.

⁶⁸ П.Когерман, арестованный как бывший министр, был вывезен за Урал, участвовал в строительстве небольшого хим. завода, работал в больнице.

Освобожден в 1945 по просьбе СНК ЭССР в связи с необходимостью восстановить разрушенную энергетику и сланцевое хозяйство Эстонии.

Привезен в Таллин, вновь поставлен профессором. Был директором Ин-та химии АН ЭССР до 1950. Скончался от инфаркта в июле 1951.

⁶⁹ «Академические» примеры: снятие П.Лейнша с президентства в АН Латвии, очередные разгоны и аресты в АН Литвы, дело вице-президента Азербайджанской АН Г.Гусейнова, кончившееся его самоубийством, перетряска Казахской Академии со снятием президента К.Сатпаева.

⁷⁰ Для желающих продолжить и уточнить — начало еще одного списка:

языковед П. Аристэ (две недели сидел в 1949, академик АН ЭССР), экономист Т. А. Ашимбаев (посажен во время войны, сейчас в АН Казахстана), писатель К. Гамсахурдиа (побывал на Соловках, позже член ГрузАН), почвовед Н. А. Димо (сидел, сослан в Среднюю Азию, стал молдавским академиком), селекционер В. П. Кузьмин (взят в 1934, сослан в Казахстан, где остался и был выбран в местную АН), филолог-арменовед К. А. Мелик-Оганджян (сидел в 1937, позже академик в Армении), физик Ю. Ф. Орлов (членкор АН Армении, сидит сейчас, из АН исключен), геолог М. П. Русаков (академик в Казахстане, был схвачен в 1949)...

⁷¹ И. Эйхфельд был президентом АН ЭССР в 1950 — 68, А. Веймер — в 1968 — 73.

А. Веймер начал учиться в ТУ, находясь в буржуазной тюрьме и будучи приговоренным к пожизненной каторге. Такие узники не только беспрепятственно получали книги — они сдавали экзамены профессорам, специально для этого посещавшим их в тюрьме. Амнистированный в 1938, Веймер вновь кинулся в рев. дела, был в 1940 председателем Гос. Думы (преобразованной в Верховный Совет ЭССР). В 1941, занимая пост наркома легкой промышленности ЭССР, закончил экономическое отделение ТУ. Позже — на разных постах, вплоть до председателя СНК ЭССР. Академик АН ЭССР с 1967.

⁷² Войдя в СССР, Эстония потеряла правобережье Нарвы с частью одноименного города (переименованной в Ивангород) и половину области Сетумаа, отошедшие к РСФСР. Рус. колонизация охватила северо-восточный угол Эстонии (в г. Силамяэ эстонцы составляют менее 1/20 части жителей) и Таллин (где русские стали большинством). Возникли закрытые военные и пограничные зоны (Палдиски). Эст. культура в пределах СССР территориально сжалась и стала испытывать усиливающееся давление со стороны русских — временных приезжих и новопоселенцев. Среди эстонцев развернулась активная пропаганда двуязычия (у белорусов это началось в конце 20-х гг.).

Тревога за Эстонию, ее язык, культуру, землю, заставила группу деятелей эст. культуры выступить со специальным письмом (1980), которое, в отличие от грузинского (см. прим. 40), не подписал ни один член нац. Академии наук.